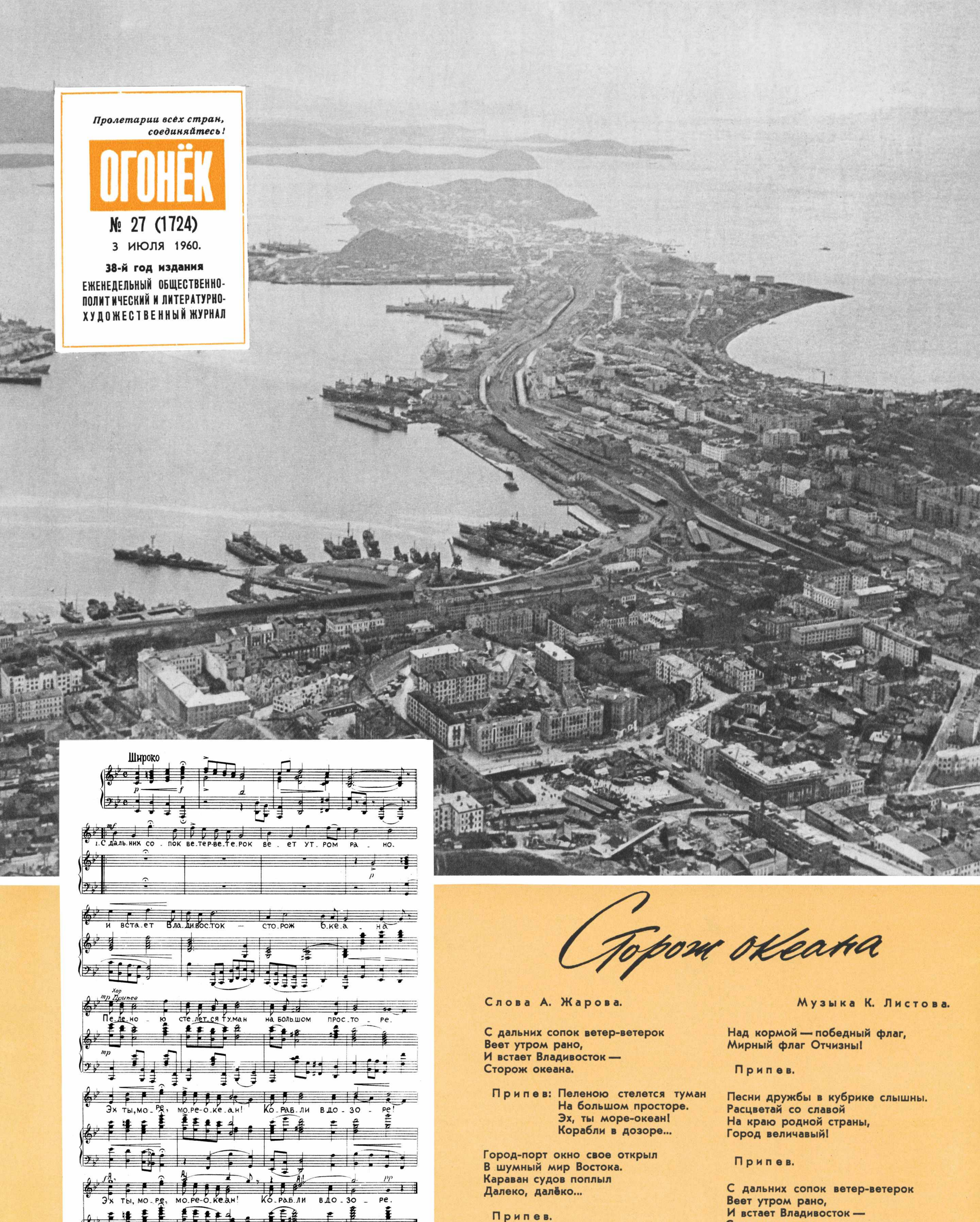

ОГОНЁК

№ 27 ИЮЛЬ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В ЭТОМ НОМЕРЕ:



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ОГОНЁК
№ 27 (1724)
3 ИЮЛЯ 1960.
38-й год издания
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Сторож океана

Слова А. Жарова. Музыка К. Листова.

С дальних сопок ветер-ветерок
Веет утром рано,
И встает Владивосток —
Сторож океана.

Припев: Пеленою стелется туман
На большом просторе.
Эх, ты море-океан!
Корабли в дозоре...

Город-порт окно свое открыл
В шумный мир Востока.
Караван судов поплыл
Далеко, далёко...

Припев.

Не страшит тебя, лихой моряк,
Океан капризный.
Над кормой — победный флаг,
Мирный флаг Отчизны!

Припев.

Песни дружбы в кубрике слышны.
Расцветай со славой
На краю родной страны,
Город величавый!

Припев.

С дальних сопок ветер-ветерок
Веет утром рано,
И встает Владивосток —
Сторож океана.

Припев.

МОСКВА—ВЕНА—ДРУЖБА





Отъезд Н. С. Хрущева с государственным визитом в Австрию 30 июня 1960 года.

Фото А. Гостева.

В истории отношений между Советским Союзом и Австрией открыта новая замечательная страница. Государственный визит главы Советского правительства Н. С. Хрущева в Австрию — убедительное свидетельство крепнущей дружбы наших двух стран и яркий пример мирного сотрудничества государств с различными общественно-политическими системами.

Радушно и тепло встречают советского гостя на австрийской земле. Никита Сергеевич Хрущев воплощает надежды миллионов австрийцев на мир, он олицетворяет политику Советского Союза, отстаивающую мир для всех народов. Австрия пользуется плодами этой политики, которая обеспечила стране независимое развитие и нейтралитет.

Широка и светла дорога для дружбы и сотрудничества Советского Союза и Австрии. Между нашими народами, между нашими правительствами нет никаких спорных проблем. Австрийцы и советские люди с одинаково радостной надеждой ждут, что государственный визит Н. С. Хрущева в Австрию сделает эту дорогу еще шире.



«ТУ-124».



Вертолет «Москвич».

Фото А. Новикова.

Руководители партии и правительства выходят из самолета в сопровождении А. Н. Туполева.

Новые образцы авиационной техники осмотрели на Внуковском аэродроме товарищи А. Б. Аристов, Л. И. Брежнев, Н. Г. Игнатов, Ф. Р. Козлов, А. Н. Косыгин, О. В. Куусинен, Н. А. Мухитдинов, Д. С. Полянский, Е. А. Фурцева, Н. С. Хрущев, Н. М. Шверник, П. Н. Поспелов.

Генеральный конструктор А. Н. Туполев ознакомил руководителей Коммунистической партии и Советского правительства с 44-местным реактивным самолетом «ТУ-124», который сейчас проходит испытания и скоро выйдет на пассажирские линии. Затем был осмотрен трехместный вертолет «Москвич», предназначенный для пассажирских перевозок в труднодоступных районах.



Тепло и дружественно встречала Норвегия гостей из Советского Союза — правительственную делегацию во главе с первым заместителем Председателя Совета Министров СССР А. И. Микояном, прибывшую в Осло на открытие советской промышленной выставки.

Выставка даст возможность норвежцам лучше узнать соседнюю страну. «Это нужно для укрепления дружбы между нашими народами»,— сказал А. И. Микоян на торжественной церемонии открытия выставки.

Совершая поездку по стране, гости из СССР всюду видели проявления дружеских, добрососедских отношений норвежского народа к нашей стране.

Визит советской правительственной делегации в Норвегию послужит укреплению взаимопонимания, экономических и культурных связей между двумя государствами.

На снимке: А. И. Микоян разрезает алую ленту у входа на советскую выставку в Осло.

Узы прочной дружбы связывают Советский Союз и Республику Индии. Дальнейшему упрочению этой дружбы способствует визит в СССР президента Индии Раджендра Прасада. Советский народ с большой теплотой встретил посланца великого индийского народа.

Высокого гостя сердечно приветствовали в Москве, Ленинграде, Киеве, Сочи. Тепло принимали его и жители украинского села Ксаверовка.

«Самое важное, что наша страна и ваша страна работают над обеспечением всеобщего мира. Я буду считать себя очень счастливым, если моя поездка в Советский Союз внесет вклад в обеспечение мира, укрепление дружбы между нашими народами». Эти слова главы индийского государства находят отклик в сердцах всех советских людей.

29 июня состоялась встреча Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева с Президентом Республики Индии Р. Прасадом.

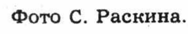


Фото С. Раскина.





Навстречу Пленуму ЦК КПСС

На Новолипецком металлургическом заводе сдана в эксплуатацию первая очередь крупнейшего в стране цеха холодного проката. На переднем плане — пятиклетевой стан.

Фото Ю. Ардашева.

ЗВЕЗДЫ НА КАРТЕ

Д. БАСИЛОВ,
начальник отдела капитальных вложений Госплана РСФСР

Минул еще один месяц второго года семилетки. Всего только месяц, тридцать дней. А сколько новых звезд зажглось за этот короткий срок на гигантской карте строек семилетнего плана!

Наш корреспондент побывал в Госплане Российской Федерации и попросил начальника отдела капитальных вложений Д. П. Басилова рассказать о событиях, которые произошли на стройках Советской России в июне, о том, как встречают там Пленум ЦК КПСС.

В середине июня на Земле прогремели два взрыва. По-разному отнеслись в мире к двум этим взрывам. Один прозвучал в Пирл-Харборе, вызвав тревогу в сердцах людей. Там взорвалась американская подводная лодка. Другой — вблизи города Железногорска, в Курской области; его горячо приветствовали советские люди: началась разработка железной руды в Михайловском руднике. Его проектная мощность — 4,5 миллиона тонн руды в год.

Тысячи тонн богатой железной руды, выброшенные первым взрывом, были реальным воплощением мечты В. И. Ленина об использовании несметных сокровищ Курской магнитной аномалии. Это должно было случиться лишь в будущем году, но советские люди внесли значительную поправку в свои же планы.

В Череповце к Пленуму ЦК КПСС строители тоже подготовили подарок. 22 июня произвели горячее опробование тонколистового стана «1700». И уже получен первый лист толщиной менее двух миллиметров. Цех, который вступит в строй в недалеком будущем, будет крупнейшим в Европе.

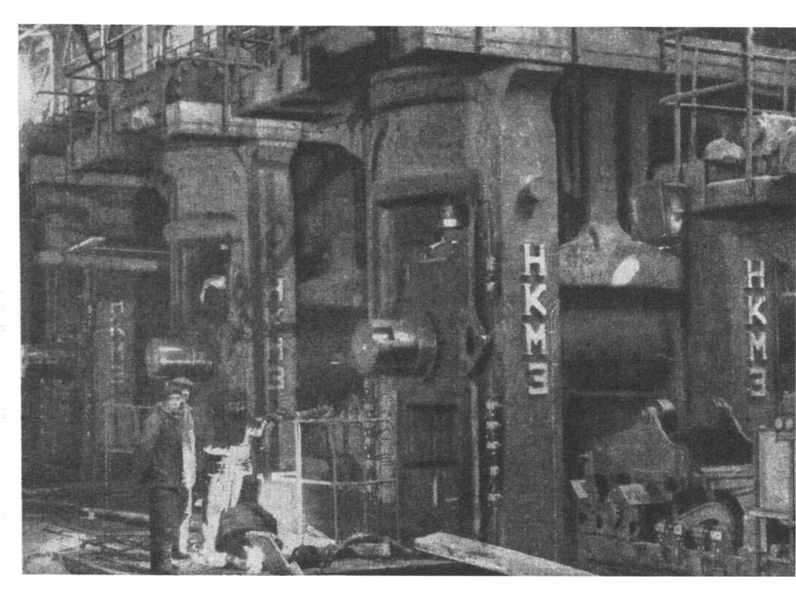
Может быть, больше всех порадовались взрыву вблизи Железногорска металлурги Липецка. Там уже ждут курскую руду и готовят ей достойную встречу. В Липецке растет металлургический гигант — громадный цех холодного проката. Его площадь—122 тысячи квадратных метров. Пуск первой очереди этого цеха — тоже замечательный подарок Пленуму. Прокатка идет с большой скоростью.

Раньше на трансформаторы шла в основном горячекатаная сталь. Но после горячей прокатки лист не имеет ровной поверхности. Отсюда и всякого рода «неприятности». С пуском липецкого цеха мы сможем делать трансформаторов больше — это первое. И выше по качеству, более экономичные — это второе!

На Красноярском цементном заводе пущена еще одна технологическая линия. Она необходима для сооружения новых заводов. В том же Красноярске вошла в строй первая очередь целлюлозно-бумажного комбината.

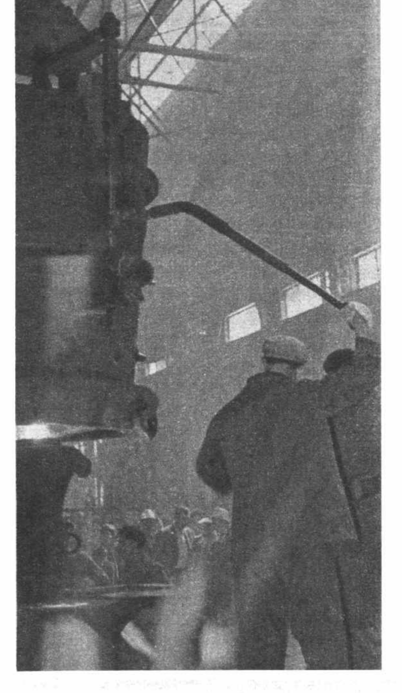
В городе Пучеж, в Ивановской области, введены дополнительные мощности на прядильной фабрике. Будет в нашей стране больше красивых тканей!

Невозможно перечислить все подарки, приготовленные тружениками семилетки к Пленуму за последние дни.



Череповецкий металлургический завод. Тонколистовой стан «1700»

Фото И. Годына.



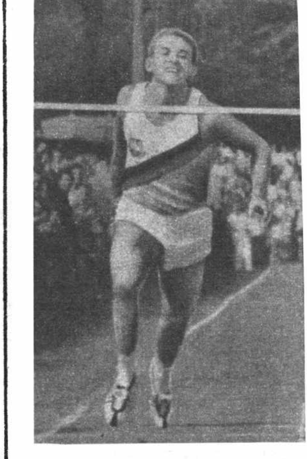
Пошла рязанская сталь — первая сталь на рязанской земле. 15 июня вступила в строй первая очередь сталеплавильного цеха Рязанского завода тяжелого кузнечно-прессового оборудования.

Фото М. Савина.

Через несколько минут паровоз даст прощальный свисток. Он повезет на Новотульский металлургический завод ценный груз — первую курскую руду.

Фото О. Сизова.







Слева — Армин Хари на финише. Справа — Леонид Бартенев — новый рекордсмен СССР в беге на 100 метров.

ДВА РЕКОРДА

Телеграф принес сообщение из Цюриха: немецкий спринтер Армин Хари пробежал 100 метров за 10 секунд ровно.

Четверть века назад американский бегун Джесси Оуэнс установил мировой рекорд в беге на самую короткую дистанцию — 10,2 секунды, и с тех пор не многие сильнейшие спортсмены повторяли это время. Так, например, недавно в Киеве этот высокий результат показал советский спортсмен Леонид Бартенев, улучшив на одну десятую секунды всесоюзный рекорд.

В беседе с корреспондентом газеты «Юманите» Хари объяснил свой успех тем, что, готовясь к Олимпийским играм, находится в отличной форме и что дорожка цюрихского стадиона, бесспорно, быстрейшая в мире.

«ЖЕЛЕЗНЫЙ КАПИТАН»

Друзья зовут офицера Войска Польского Здислава Кшишковяка «железным капитаном». Зовут не для красного словца — в этом убедились все участники легкоатлетического матча Польша — РСФСР, который проходил в Туле. Тридцатилетний капитан хладнокровно и точно рассчитал свои силы в поединке с советским чемпионом Болотниковым на дистанции 5 000 метров. Вместе с ленинградцем Артынюком московский бегун предложил очень высокий темп. Но Кшишковяк и его соотечественник Зимны не отставали ни на шаг.

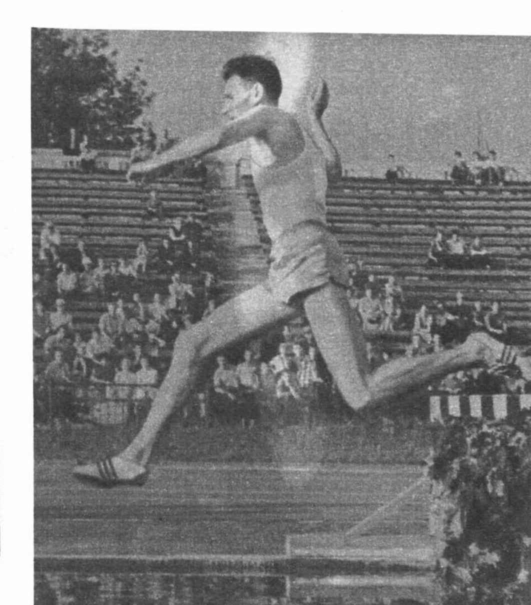
Кшишковяк финишировал с лучшим результатом мира в олимпийском сезоне — 13 минут 51,6 секунды. Москвич проиграл ему две секунды.

А на следующий день Кшишковяк снова вышел на старт. Он принял участие в трехкилометровом беге с препятствиями. Заняв место в «тылу» Н. Соколова и В. Евдокимова, польский спортсмен выбирал момент для решающего рывка. Когда до финиша оставалось два круга, нелепый случай вывел из борьбы Владимира Евдокимова. Он задел шипами о барьер и... растянулся на дорожке. «Железный капитан» установил новый мировой рекорд — 8 минут 31,4 секунды. Николай Соколов, уступив ему всего секунду, установил новый всесоюзный рекорд.

И. МЕЛЬНИКОВ

З. Кшишковяк выступает в Туле в беге на 3 000 метров с препятствиями.

Фото Б. Светланова.



А. БЕССМЕРТНЫЙ,
заведующий учебной частью 606-й московской школы

Хороший учитель всегда смотрит вдаль... Вряд ли найдется на свете хоть один хороший учитель, который не мечтал наедине с самим собой вырастить второго Мичурина или Циолковского и который хотел бы испытать частицу позора за воспитание низкопробного деляги. Так уж устроена наша педагогическая работа, что ее «результаты приходят уже тогда, когда воспитатель не может наблюдать за воспитанником». Учитель сажает, поливает, пропалывает, окучивает, а плоды собирать приходится уже не ему. Может быть, именно поэтому хороший учитель пристально вглядывается в тот «черновик», который тут сейчас перед ним в классе в виде большеглазого и щекастого Павлика. Да, ребенок — это, если так можно выразиться, только черновик человека. И многое в этом «черновике» будет зачеркнуто, должно быть зачеркнуто. Очень многое — жизнью. Многое — родителями. Кое-что и нами, педагогами.

...В школу пришел ее бывший воспитанник Юра Н. и взволнованно сказал директору: «Вчера днем ко мне в комнату залез ваш семиклассник Валерка Д., стащил мои часы и пятьдесят рублей денег. Помогите вывести его на чистую воду». Случаи воровства, помнится, в школе были очень редки, и недобрая весть эта сразу стала «чрезвычайным происшествием». «Понимаете, Валентина Сергеевна, даже следы свои на окне оставил — зря я милиционера вчера не позвал»,— продолжал Юра. Как ни странно, директор школы, несмотря на свой большой опыт, сразу и безоговорочно встала на защиту пострадавшего — с толку сбивал «черновик»: был Юра вполне благополучным парнем, и хоть учился не блестяще, но никогда ни в каких срывах замечен не был, ни разу фамилия его не прозвучала на педсовете в связи с каким-нибудь поступком, с учителями был всегда вежлив, предупредителен. А этот «новенький», Валерка, только в прошлом году приехал не то из Саратова, не то из Пензы и уж больно тихий какой-то, а в тихом омуте (почему-то вертелось в голове) черти водятся.

Мальчика срочно вызвали с уроков и поставили под обстрел. Но старания доморощенных Шерлоков Холмсов оказались напрасными: Валерка краснел, плакал, рукавом утирал слезы и все время твердил: «Не брал я ничего». Та же самая картина повторилась и в 128-м отделении милиции, где следователь после получасового разговора твердо сказал: «Мальчик тут ни при чем». И его оставили в покое. Об этом случае скоро забыли. Не появлялся в школе больше и Юра Н. А некоторое время спустя случайно выяснилось, что он... проиграл в карты какую-то сумму денег и «долг чести» решил ликвидировать способом, в котором, как говорится, «честь и не ночевала», взял из сумки сестры пятьдесят рублей, заложил свои часы в ломбард, а чтобы оправдаться перед матерью, возвел напраслину на соседского мальчика, довольно тонко использовав давнишние нелады между родителями двух этих семейств.

Юра Н. совершил подлость. Но ведь появилась-то она у него не сразу, а неприметно гнездилась где-то на задворках его души в школьные годы. Проглядели учителя в Юре человека, а как ученик он их, в общем, устраивал.

Перелистывая педагогические характеристики детей-школьников, я всегда думаю о том, как скупы, ограниченны и поверхностны эти наши вполне категорические суждения об учениках. Мы даем довольно точную и справедливую оценку их знаниям, умственному и физическому развитию, дисциплинированности, но часто, увы, проглядываем очень важное—человеческий облик, человеческие отношения наших воспитанников.

Вот сидят передо мной мальчики и девочки, отличающиеся друг от друга не только своими отметками и отношением к занятиям, но и лицом будущего гражданина.

На первой парте — Сережа П., отличник с первого класса, единственный сын, избалованный папой, мамой и двумя бабушками. Как ученик это просто идеал: контрольные работы всегда заканчивает первым, изумляет учителей своей начитанностью, ответы дает содержательные, глубокие.

А на последней парте сидит вечно чем-то озабоченный Леня В.— полная противоположность Сереже: мальчик, увлекающийся одновременно сразу всем, чем угодно — от марок и спичечных этикеток до (только не говорите никому) собачки. Он тайком от родителей «воспитывает» собачку. А ведь ее кормить надо (проблема), поиграть и погулять — на что требуется много-много времени.

Вполне естественно, что в школу Леня часто приходит с невыученными уроками, за что в дневнике его, самом лохматом и истрепанном во всем классе, косяками появляются безжалостные двойки.

В общем, в Детгизе героем его не признали бы. Мне постоянно кажется, что Решетников писал свою картину «Опять двойка» с нашего Лени.

Чувствую, что я уже достаточно скомпрометировал себя своими «непедагогичными» симпатиями. Но помню такой случай. Возвращались ребята с дальней автобусной экскурсии в Бородино: осмотрели музей, по колени в снегу полазили по необозримому полю, наперебой декламировали «Не даром помнит вся Россия...». И тут, в ста километрах от Москвы, вдруг обнаружилось, что кто-то из учеников позабыл взять с собою покушать. А я смотрю на ребят со стороны и думаю: «Сейчас что-то будет». Так оно и случилось. Сидит мальчик на заднем сиденье и уныло посматривает в окно, как бы любуясь окружающим пейзажем. Сережа П. кушает апельсины, распространяя по всему автобусу этакое всепроникающее цитрусовое амбре. Ему и дела нет, что рядом товарищ, голодный и гордый, чтобы попросить когонибудь с ним поделиться. А Ленька, милый мой Ленька, нетороплиВо достает из своего мешочка бу-



Стало традицией для московских школьников после получения аттестата зре

СМОТРЯ



...лости первый день самостоятельной жизни встречать на Красной площади.

Фото Дм. Бальтерманца.

ВДАЛЬ...

тылку молока, хлеб с маслом и силой заставляет соседа разделить с ним его скромную трапезу.

Или вот другой случай. В Октябрьские праздники устроили ребята-пятиклассники небольшой вечер с чаем. Кругом веселье, песни, смех. Неловко чувствуя себя в чистом, новом костюме, Леня ерзает на стуле: что-то, кажется, задумал. Улучив подходящий момент, незаметно выскользнул в коридор и, поминутно оглядываясь, чтобы никто не увидел, подошел к старой нянечке и отдал ей свое пирожное и конфеты. «У нас сегодня праздник, тетя Даша, берите, не стесняйтесь, а я не хочу: дома всего наелся». И, так же незаметно вернувшись, Леня сел на свое место. Ребята в классе относятся к нему очень хорошо, а ребячья любовь — верный барометр.

Положительная роль семьи в воспитании ребенка, к сожалению, мало изучена. А между тем именно в семье ребенок проводит большую часть времени: каждый день с утра до вечера семья развертывает перед ним образцы самых разнообразных форм поведения, манер, отношения к труду, людям, событиям. Метко сказал когда-то Грибоедов:

«Не надобно иного образца,
Когда в глазах пример отца».

Несколько лет назад пришел я впервые в восьмой класс познакомиться с ребятами. Спрашиваю о родителях (нужно заполнить в журнале соответствующую графу). У Саши Р. отец — генерал-полковник. «Кем работает твой отец?» — спрашиваю. «Он военнослужащий»,— скромно ответил мальчик. «Генерал, генерал!» — закричали ребята. Только потом я понял, откуда эта настоящая скромность. На родительские собрания всегда приходил отец. В черном штатском костюме, он садился куда-нибудь в угол и внимательно, с неподдельным интересом выслушивал все то, что обычно говорит начинающий учитель на своем первом родительском собрании. Ни разу он не упрекнул школу, учителей в каких-нибудь промахах, ошибках (в нашем деле их много). Не потому, что он их не замечал, а потому, что это человек глубокой внутренней культуры, по-настоящему интересующийся вопросами воспитания и много думавший об этом. Часто он советовался с нами, учителями, как привить сыну любовь к музыке, к хорошей книге, о поощрениях и наказаниях. Было удивительно смотреть, как он краснел, когда мы по заслугам хвалили Сашу. И всегда повторял, как бы оправдываясь: «Семья и школа — единый фронт».

Родительские собрания порой бывают местом удивительных откровений, когда учитель по одной детали может вдруг понять то, что было необъяснимо.

Наде Гореловой было всего несколько месяцев, когда незнакомые «папа» и «мама» взяли ее на воспитание из детского дома к себе в семью. Давно это было. А сейчас ей уже шестнадцать — девушка! Учится в нашей школе. Вот и пришел на собрание отец ее с жалобами на невесть откуда взявшуюся грубость, отчужденность. В отличие от того генерала, он с генеральским апломбом трубил на весь класс: «Живет девчонка у нас аккурат с сорок четвертого, а благодарности — вот!» И он показал величину этой благодарности в миллиметрах своими пожелтевшими от курения пальцами. «А вы никогда не рассказывали Наде ее историю?» «Известное дело, шила в мешке не утаишь, проговорился как-то, да что тут: одеваю, обуваю, ни в чем не отказываю, часы — на тебе часы, пальто — так пальто!» Поначалу человек этот выглядит этаким воплощением благородства,— в иных переплетениях семейных неурядиц разберешься не сразу. Но однажды, разговорившись с девушкой, что называется, «по душам», мы узнали такое, что помогло нам понять очень многое.

«Это все правда, заботятся обо мне хорошо, но вот как выпьет отец хоть немного, кричит вовсю: «Шла бы ты обратно в детдом, взяли подброска на свою голову!..» Как услышу ядовитое слово, становится так обидно, тоскливо, что хоть на край света беги».

А отцу Нади кажется, что он тоже воспитывает: «Ведь я ее обуваю, одеваю». Ему невдомек, что не хлебом единым жив человек.

Такие сложные вопросы встречаются на нашем учительском пути довольно часто.

...Случалось ли вам в воскресенье где-нибудь за городом встречать группы юных туристов-школьников, возглавляемых учителем? Наверняка. Вот я сейчас думаю: насколько многообразна деятельность учителя!

И к искусству надо приобщить ребят, и в поход с ними пойти, и самообслуживание организовать, и с родителями потолковать, и домой к ученикам сходить, и к урокам подготовиться, да еще так, чтобы в классе слушали тебя как зачарованные. Одним словом, получается, как в поговорке: «И швец, и жнец, и в дуду игрец». Большинство учителей делают все это от настоящего коммунистического энтузиазма, бескорыстно. Сколько у нас таких замечательных педагогов, готовых отдать делу воспитания всего себя, без остатка! Но есть еще, к сожалению, и такие, которые работают лишь во имя «галочки» в отчете. В таких школах можно услышать, как из уст одиннадцатилетнего паренька вылетают слова «эстетическое воспитание», «общественно полезный труд», «человеко-часы» и т. д.

То, что делается не напоказ, всегда трудно проверить. Требуется большое творчество, чтобы познакомиться с творческим трудом учителя. Он безразличен к дежурному одобрению его деятельности на совещании,— он работает с детьми и для детей.

...Поздно вечером как-то возвращаюсь домой из школы, вижу: в одном из классов горит свет. Это меня заинтересовало. Поднимаюсь на третий этаж. Слышу — музыка: плавный и нежный «Лебедь» Сен-Санса, потом «Элегия» Массне в исполнении Шаляпина, потом Второй рахманиновский концерт. Заглядываю в класс и вижу шестиклассников со своей учительницей Аллой Павловной — проводят вечер звукозаписи. Проводят просто, для себя, а не для очередной «галочки» в отчете. И как был прав К. Д. Ушинский, когда писал: «Воспитатель никогда не может быть слепым исполнителем инструкции: не согретая теплотой его личного убеждения, она не будет иметь никакой силы»!



Остров Мариндуке.

4 июля — День провозглашения независимости Филиппин

С молодым рыбаком Бонифацио Мерсене мы познакомились в деревне Кайганган.



ЗОРИ Ф

К. ПЕРЕВОЩИКОВ

Фото автора.

У рыбаков Мариндуке

Над океаном, у Мариндуке, одного из семи тысяч Филиппинских островов, догорала вечерняя заря. Горизонт словно захлестывала морская волна, вливая в него новые, неожиданные тона: то ярко-голубой, то темно-малиновый. Какая игра красок! Недаром прославляют туристские путеводители филиппинские зори...

Медленно бежит по спокойной глади Тихого океана рыбачья лодка-пукот. По обе стороны от нее по воде скользят бамбуковые бревна. От них, от весел, от самой лодки в воде разбегаются каскады фосфорических искр. В глубокой тьме южной ночи их холодный свет особенно ярок. Стайки рыб чертят в воде огненные стрелы.

Неведомый чудесный мир лежит под лодкой. Совсем недалеко знаменитая Филиппинская впадина, в которой утонут поставленные друг на друга почти два Эльбруса. Ближе к берегу высокие коралловые заросли образовали дно почти у поверхности океана. Богаты эти места рыбой. Тут и гигантские акулы, и рыбешка тибиос в длину не больше сантиметра, и рыба-корова, рыба-коза, рыба-конек, рыба-попугай с твердым, как клюв, носом, которым она легко раскалывает морские ракушки,— словом, целый подводный зоопарк. Есть здесь «ползающий окунь» — рыба с острыми плавниками, с помощью которых она выползает на берег и, бывает, взбирается на вершину пальмы.

Смел и ловок филиппинский рыбак. Заметив рыбу, он ныряет в морскую глубь, чтобы поймать ее сачком или поразить острогой. Часами он может ждать свою добычу, лежа в лодке и погружая лицо в воду.

— Вот мы, двенадцать человек, вышли в море,— говорит рыбак, что сидит рядом со мной.— Поймаем что или нет, никто не скажет. Только и от большого улова на мою долю останется немного. Половину всей рыбы, по давнему условию, отдадим владельцу сети, остальное поделим между собой.

— Что ж вы, артель, двенадцать человек, не можете иметь своей сети? — спросил я.

— На это нужны деньги. А у нас их не бывает. Пойманную рыбу едим сами. Или отдаем часть улова скупщику, чтобы получить лишнюю горсть риса.

Долго мы кружили по морю, но, видно, рыбачье счастье прошло мимо нас в тот вечер. Вернувшись домой, в деревню Кайганган, рыбаки пошли к дому, где я остановился. Им очень хотелось поговорить со мной, человеком из страны, о которой они слышали самые невероятные вещи.

Взобравшись по дощатой лестнице в дом, стоящий на толстых бамбуковых бревнах, рыбаки садились на скамейки или прямо на пол из тонких бамбуковых пласти-

нок. По такому полу, казалось, и одному-то рискованно ходить, а тут на нем расселась почти вся деревушка. И ничего, пол только слегка прогнулся, шире открыв свои темные щели.

Что думали обо мне, о моей родине эти рано постаревшие, истощенные постоянным недоеданием люди? Даже в центре страны, отгороженной от прогрессивного мира барьерами американской пропаганды, как я уже убедился, знали очень немного правды о Советском Союзе; что же могло быть известно о нем жителям Маринduке, где нет ни железной дороги, ни газет, ни заводов, ни театра, ни библиотек, где высшим авторитетом является католический священник!

С лиц людей сползла пелена усталости. Перебивая друг друга, рыбаки заговорили:

— Там, вверху, летают ваши ракеты и спутники.

— Да, да, мы видели ваш спутник.

океан, ждут, чтобы люди обратили на них внимание.

Перед краем может открыться и другая жизнь. В недрах острова обнаружена железная руда, предполагаются залежи угля, нефти, других ископаемых. Плодородные земли могут давать в таком изобилии зерно и фрукты, что их хватит и ближайшим соседям.

В тени кокосовых рощ ютятся крестьянские лачуги, сделанные из бамбука, пальмовых листьев, камыша. Местами рощи чередуются с небольшими рисовыми полями, залитыми недавними дождями. Из-под воды едва выглядывают редкие кочки да межи.

По колено в воде, вдавливая в землю однорядную борону, медленно движется за впряженным в нее буйволом крестьянин. Широкая соломенная шляпа закрывает его лицо и плечи от жгучих лучей солнца. Потрепанная рубаха, такие же штаны, босые ноги залеплены землей, струйки пота стекают по лицу, шее, груди. Не при-



Так обрабатывают филиппинцы рисовые поля.

— Вам мало этого поля? — спросил я у крестьянина, указав на участок, где он работал.

— Это не моя земля,— сказал он с горечью.— Мне сдает ее столяр из города, а он арендует ее у другого человека. Кроме земли, хозяин дает мне одного буйвола и рисовую рассаду. И в основной урожай — панахон — и в летний — панакарау — высаживаю только рис. На мне лежит вся обработка поля, посев, уход за ним, сбор урожая, обмолот. За это я получаю половину урожая.

Роча рассказал, что у него лишь изредка бывает на обед рыба, а обычно он ест рис, бобы, баклажаны. Все это просто отваривают в воде и употребляют без всяких приправ, без жиров. Иногда удается выловить в море устриц, креветок, съедобные ракушки, и тогда обед филиппинца становится праздничным.

ИЛИППИН

— Мы слышали о полетах ваших ракет на Луну.

В многоголосом говоре были слышны нотки восторга, недоумения и любопытства. Меня засыпали вопросами. О чем только не спрашивали! Имеет ли право русский купить больше одной рубахи и вообще тратить свои деньги так, как он захочет? Может ли русский иметь собственный дом, лодку? Употребляют ли советские люди в пищу рис? Высока ли мораль неверующих людей? Могут ли верующие служить в государственных учреждениях? Что ни вопрос, то новое свидетельство путаницы в умах людей, искусственно созданной враждебной Советскому Союзу пропагандой.

Далеко за полночь закончилась наша беседа.

Богатый и нищий край

Гордые кокосовые пальмы вскинули высоко вверх свои пышные зеленые шапки с тяжелыми гроздьями орехов. Сквозь густые кроны едва проникают лучи солнца. Холмы, долины круглый год покрыты буйной зеленью, цветами. За шеренгой пальм, за светло-желтым пляжем глубокой синевой светится океан. К нему катят чистые ключевые воды быстрые речки. Какая тишина! Ни гудков, ни грохота машин, ни городского шума. Только звуки леса, полные птичьего щебета, нарушают покой. Кажется, сама природа создала здесь первоклассный курорт. Даже горячие серные источники, без пользы стекающие в

ходится спрашивать, как достается хлеб этому человеку.

Дойдя до межи, крестьянин приветливо улыбнулся нам, остановил буйвола и вышел из жидкой грязи поля. Назвавшись Филиппе Дебеленом, он спросил, кто я такой.

— Русский? — переспросил он. Крестьянин помолчал, видно, вспоминая что-то, и затем добавил: — Это у вас с Америкой война?

— «Холодная»,— поправил его мой спутник, филиппинский журналист.

— «Холодная»? — удивленно переспросил Дебелен. — Что-то не слышал о такой. Я помню последнюю войну. Я вместе со всей деревней прятался в горах...

К разговору присоединился его односельчанин:

— А я не успел уйти в горы. Солдаты поймали меня и еще многих крестьян, оседлали, как буйволов, и заставили на спине везти их в горы, где укрылись жители острова.

Понемногу к нам подходили все новые люди — крестьяне деревни Багхи. Никто из них не имел своей земли, все они были батраками, снимали крошечные участки у тех, кто арендовал землю у крупных землевладельцев.

На рисовом поле возле деревни Мальбог работал худой, невысокий человек по имени Педро Роча. Рядом с полем раскинулись холмы, покрытые дикой зеленью, лежали плодородные угодья, никем не используемые.

— Как я хотел бы иметь эту землю! — кивнул Роча в сторону холмов.— Там нет воды, но у меня крепкие руки. Раз там растет трава, выросли бы и рис, и кукуруза, и кокосовые пальмы.

— Вы знаете, что надо таким людям, как этот бедняк? — возбужденно заговорил подошедший к нам молодой человек, местный адвокат Сельва.— Крестьянам для нормальной жизни не хватает самого главного — земли. Посмотрите, сколько ее пустует у нас!

Молодой адвокат говорил с большим волнением.

— Надо забрать эту землю у владельцев! Они живут далеко отсюда и все равно не пользуются ею,— продолжал он.

— Но ведь в вашей конституции,— заметил я,— записано, что частная собственность неприкосновенна. Вы, как юрист, хорошо знаете свои законы.

— Надо принять новый закон,— решительно заявил Сельва,— закон, чтобы можно было отобрать землю у помещиков и передать ее таким людям, как этот батрак.

Есть у помещиков и других эксплуататоров на Филиппинах исконный союзник и слуга. Это католическая церковь. Католические миссионеры крестом проложили дорогу испанским колонизаторам к захвату страны и благословили варварское истребление настоящих хозяев Филиппин ради обогащения испанской короны и папы римского. Верные слуги Ватикана вдохновляют реакционные силы страны на продолжение недальновидной политики участия в военных блоках, которая делает Филиппины зависимыми от Соединенных Штатов. Но как бы ни забивали католические священники головы своей паствы ложью о «стране безбожников» — Советском Союзе, правда о нем все равно дойдет до народа Филиппин!



Наши гости, представители «Группы тридцати». В первом ряду (слева направо): Марсель Ишак, Поль Гримо и Жан Видаль.

Фото Р. Лихач.

ОНИ ИЗ «ГРУППЫ ТРИДЦАТИ»

«Улыбка» — поэтическая новелла о природе и обычаях людей Бирмы, о человеческой способности радоваться красоте, жизни, добру. «Море и дни» — исполненный драматизма рассказ о единоборстве рыбаков со стихией... Эти короткометражные фильмы в числе нескольких других привезли в Москву представители «Группы тридцати» — французские режиссеры Поль Гримо, Марсель Ишак, Жан Видаль.

Они называются «Группа тридцати», хотя теперь их уже свыше ста — французских художников-короткометражистов, режиссеров, продюсеров. Они объединились несколько лет назад, чтобы отстаивать право коротких фильмов на существование. У них нет единого плана, единой творческой программы, но все они сходятся на решимости придавать «малому» жанру большие мысли, большое содержание.

Для того, чтобы существовать, им приходится выполнять заказы рекламных фирм, различных коммерческих организаций, но самое свое заветное большинство из «Группы тридцати» отдает созданию киноновелл, в которых утверждается идея разума, красоты, человечности. Отстаивая эту идею, погиб в море, снимая новую картину, режиссер Ален Каминкер, брат Симоны Синьоре. Его товарищи доделали фильм. И посвятили картину памяти Алена Каминкера.

Фильмы «Группы тридцати» получили широкую известность. Не случайно несколько лет назад на Международном кинофестивале в Каннах лучшей картиной года была признана короткометражка «Красный шар» режиссера Альберта Ламориса. Он тоже входит в «Группу тридцати».

Л. ОСИПОВА

СЕРЕБРИСТАЯ НИТЬ



Член-корреспондент Академии наук Армянской ССР М. Г. Манвелян (слева) и инженер Н. А. Чаликян рассматривают волокно из горных пород.

Фото А. Экекяна (ТАСС).

Тончайшая серебристая нить вытягивается из крохотного отверстия на дне электрической печи, наматывается на вращающийся барабан. Нить — словно паутинка, ее сразу и не приметишь.

А вот она уже в мотках нежнейших оттенков: синего, серого, сиреневого, розового. По виду мотки чистейшего шелка... Но это не шелк. Это камень, знаменитый армянский строительный туф, из которого сложены новые дома в столице Армении, во многих других городах нашей страны.

Нитки из туфа? Да! Точнее, они получены из стеклянного волокна, которое вырабатывается из этой вулканической породы, а также из кварцитов, пемзовых песков...

Новые стеклянные волокна получены в Институте химии совнархоза Армянской ССР. Их изготовили ученые, которыми руководит член-корреспондент республиканской Академии наук М. Г. Манвелян. Эти волокна предназначены как для технических нужд, так и для производства тканей. На берегу высокогорного озера Севан строится завод стекловолокна.

Исследования по стеклянному и каменному волокну, проведенные в Институте химии, получили высокую оценку президента Академии наук Армянской ССР академика В. А. Амбарцумяна.

Г. ТЕВОСЯН



Сберкнижка солдата Румянцева

...Май 1943 года. Шла усиленная подготовка знаменитой битвы на Орловско-Курской дуге. Как всегда, день и ночь трудились врачи и санитары, спасая жизнь раненым. Находился в эти дни под Курском и санинструктор Н. Румянцев.

Однажды, когда его вызвали в медсанбат, фашисты начали очередной артиллерийский налет. В свой блиндаж Румянцев возвратился поздно. Солдатское жилье оказалось разбитым снарядами. Под обломками блиндажа остался вещевой мешок, а в нем сберегательная книжка, письма родных...

Через несколько дней начались горячие бои. Н. Румянцев был тяжело ранен.

Последние десять лет Н. Румянцев работает в Слонимской районной конторе связи Гродненской области. О своей сберкнижке военного времени Николай давно забыл.

Но однажды Румянцев прочитал в газете «Вечерняя Москва» о том, что вкладчик разыскал свои сбережения через 15 лет. Это заинтересовало бывшего воина, и он написал письмо в Москву, в правление Государственного банка СССР. Оттуда вскоре сообщили, что вклад Румянцева сохранился и перечисляется в Слонимское отделение Госбанка.

Недавно Николай Румянцев получил с начисленными процентами свой «потерявшийся» вклад.

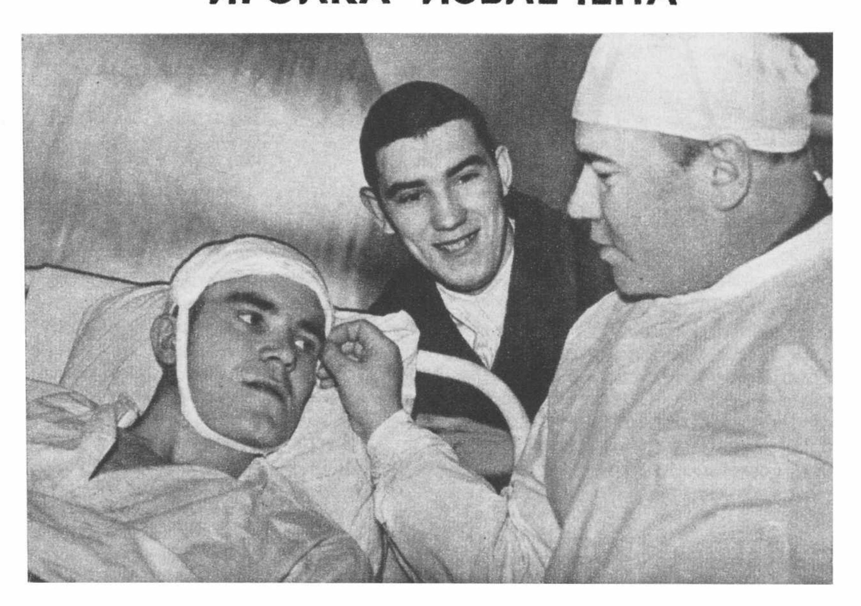
Н. ПРОЦЕНКО,
сотрудник районной газеты
«Вольная праца».

Фото А. Перехода.

г. Слоним,
Гродненской области, БССР.



ИГОЛКА ИЗВЛЕЧЕНА



Хирург Н. А. Горюнов на обходе больных.

Фото Я. Кунина.

— Вот посмотрите, любопытно, не правда ли? — Подполковник медицинской службы Николай Александрович Горюнов протягивает рентгеновский снимок человеческой головы, где отчетливо видна вонзившаяся в мозг тонкая игла.

Не удивляйтесь. Это именно игла, самая обыкновенная, швейная, длиной ровно в четыре сантиметра. И, представьте себе, находилась она в мозгу около 20 лет, не меньше. Недавно мы ее обнаружили и извлекли.

Этот редкий случай в хирургической практике произошел в Свердловском окружном военном госпитале. Несколько месяцев тому назад сюда поступил солдат Борис Б. Он жаловался на сильные головные боли, головокружения, на то, что теряет память, что не может переносить езду в закрытой машине. Лекарства не помогали, диагноз установить не могли.

Истинную причину заболевания открыл рентген. Рассматривая снимок, врачи с трудом верили своим глазам: в головном мозгу оказалась швейная игла. Она находилась в той области мозга, которая ведает движениями человека. Вокруг постепенно развивалось хроническое воспаление мозговой ткани. Больному угрожал паралич, а затем и смерть.

Консилиум врачей решил: необходима операция — удалить иглу из мозга. Ее сделал опытный хирург Николай Александрович Горюнов.

Операция происходила под контролем рентгена. Сначала в черепной коробке точно над иглой просверлили отверстие. Палец хирурга осторожно ощупывал мозговую оболочку. Вот уплотненная ткань, здесь прочно задержалось ушко иглы. Осторожно разрезается мозговая оболочка. Иглу пытаются вытащить с помощью магнита, но неудачно. Приходится пустить в ход заранее приготовленный пинцет...

И вот она перед нами, почерневшая уже от времени швейная иголка, извлеченная искусными руками хирурга из человеческого мозга.

— Как же она попала в мозг? — спрашиваю Горюнова.

— Точно сказать трудно. Ясно только одно: она могла туда проникнуть только в раннем детстве больного, в грудном возрасте, когда кости черепа еще не срослись. Возможно, иголка случайно находилась на подушке под головой ребенка.

— Как чувствует себя больной?

— Хорошо. Головные боли у него исчезли. Он много читает, спокойно переносит езду в закрытой машине. Родители Бориса Б. прислали письмо в госпиталь с выражением благодарности.

А. ГРИГОРЬЕВ

ГЛАЗАМИ ХУДОЖНИКА-ДРУГА

В Китай художник К. М. Максимов приехал четыре года назад. Ему предстояло в Пекинской академии художеств обучать молодежь новому для Китая искусству живописи масляными красками.

Вместе со своими студентами Максимов часто ездил на натуру в окрестности Пекина, в Ханькоу, с его живописными рыбачьими поселками, в деревни, на стройки...

И где бы ни устанавливал мольберт советский художник, его всегда окружала толпа зрителей, а когда солнце начинало непривычно сильно припекать, над ним неизменно раскрывался чей-нибудь заботливый зонтик.

Однажды солнечным утром Максимов с группой студентов и аспирантов академии переступил порог дома старейшего китайского художника Ци Бай-ши. Очень стар, но удивительно бодр и ясен духом был патриарх китайского искусства. Он говорил мало, но знать хотел много, расспрашивал о советских живописцах. «Вы пишете совсем в иной манере, чем старые китайские мастера,— сказал он.— Но пусть расцветают все цветы!»

Гостям хотелось увидеть прославленного художника за работой. Ци Бай-ши сел за свой рабочий столик. На зеленом сукне стола — белый свиток рисовой бумаги, чисто вымытые кисточки в деревянной подставке. Сильный удар кистью — пятно красной туши медленно расползается по бумаге; чуть заметные, осторожные движения руки — и пунцовый пион словно источает тонкий аромат. Сбоку появляются каллиграфически выписанные столбцы иероглифов: «Девяностошестилетний старик Бай-ши одним мазком».

Тем временем К. М. Максимов делал последние штрихи на эскизе портрета великого китайского художника Ци Бай-ши.

Около ста пятидесяти рабог К. М. Максимова было экспонировано на его выставке-отчете в Москве в залах Союза художников РСФСР.

Китай, древняя и юная страна, строящая новую жизнь, предстала на этих полотнах.

К. Максимов. МАЛЬЧИК С ФЛЕЙТОЙ.



СТУДЕНТКА ДУН ПИН.

К. Максимов. ПОРТРЕТ ЦИ БАЙ-ШИ.

ОСВЕЩЕННЫЕ ПАРУСА.



Кофе по-будапештски

Рассказ

Леонид ПЕРВОМАЙСКИЙ

Посвящается Бела Иллешу.

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

Тяжелый запах скверного табака наполнял машину, перебивая смрад горелого бензина, что шел от изношенного мотора. Поля Венгрии еще лежали под снегом, но кусты красной лозы близ дороги выглядели уже по-весеннему, и в них клубился прозрачный свет и делал их теплыми и нежными. Серая лента бетона гудела под колесами. Вдалеке ухали тяжелые пушки. Мы ехали навстречу этому тяжкому уханью и молчали, хоть нам было о чем говорить.

Немолодой человек, что сидел, не выпуская трубки изо рта, в углу машины, возвращался на родину. Он пришел ко мне в приземистый домик на грязной улице маленького венгерского городка и, грея руки у раскаленной чугунной печурки, сказал:

— Пешт почти полностью освобожден... Немцы сидят за Дунаем, в Буде, и обстреливают город. Там у меня мать и сестра. Я не видел их двадцать шесть лет.

В коротком полушубке, в ушастой шапке и неуклюжих сапогах, с трубкой в зубах, он ладонями вниз держал окоченевшие руки над печуркой, словно благословлял ее тепло.

Знал я его давно. Арпад Локатош был активным участником венгерской революции девятьсот девятнадцатого года, воевал в рядах венгерской Красной армии. После победы хортистской контрреволюции ему пришлось бежать. Он жил и работал в Австрии и Чехословакии, потом ему удалось пробраться в Советскую Россию. За два десятилетия он хорошо усвоил русский язык, но говорил с таким характерным акцентом, что в нем издалека можно было узнать венгра.

— Ну что ж,— сказал я,— поедем их искать.

Он пустил облако смрадного дыма из своей большой обугленной трубки.

— Они, наверное, голодают, а у меня нет ничего... У тебя что-нибудь найдется?

Я вышел в поле и под скирдами промерзшей соломы на бледной озими, что пробивалась из-под снега, убил зайца. Я плохо прицелился, и заяц закричал тонким детским голосом. Трудно было его добивать, но пришлось это сделать. У меня была большая жестянка свино-бобовых консервов. Две буханки хлеба мы добыли в офицерской столовой. Теперь мы ехали в Будапешт искать мать и сестру моего друга. Выехали мы поздно, солнце уже клонилось к западу, желто-розовым светом заливая равнину.

Мой шофер Сашко любил молчать, но сегодняшнее его молчание казалось напряженным. Он все время поглядывал на меня черными горячими глазами и наконец спросил:

— А она жива... ихняя мама? Сколько ж это ей лет?

— За семьдесят,— глухо отозвался из угла машины Арпад.— Отец мой умер перед войной, он был намного старше.

Должно быть, Арпад очень волновался, отправляясь на розыски семьи. Может, он боялся задать себе тот вопрос, который по неосторожности вырвался у моего молчаливого и, казалось, ко всему равнодушного шофера, а теперь, принужденный отвечать и нам и себе, взвешивал все «за» и «против» сложной жизни, трудных обстоятельств войны и ни к чему определенному не приходил.

— Сестра, наверно, жива,— сказал он.

— А что она делает, чем занимается? — снова повел на меня глазами Сашко.

К вечеру подморозило. Шофер не мог отвести взгляда от дороги и обращался ко мне, потому что я был ближе.

— Была учительницей, а теперь не знаю...

И трудно было что-нибудь знать. До войны можно было так-сяк переписываться и даже посылать небольшие посылки. Четыре года войны сделали все вероятное неизвестным. Даже надежда, не оставлявшая Арпада в самые тяжелые минуты, когда через линию фронта пробивались известия о правительственном терроре и бедствиях простых людей на родине, даже надежда его была окрашена тревогой и печалью. Успеет ли он найти старуху мать? Дождется ли она того дня, когда сын, давно уже немолодой ее сын, переступит порог дома?

Нелегко будет матери узнать в мужчине с большой лысой головой и широкой грудью, переходящей в выпуклый тяжелый живот, черноволосого юношу, который легко взбежал на шестой этаж, прыгая через три ступеньки, чтоб обнять ее в ту трагическую ночь, ночь бегства... На окраинах хортисты уже расстреливали коммунистов и красноармейцев. Еще можно было пройти за Дунай — в Буду; дальше, по задунайским холмам, лежал путь в изгнание на четверть века. Конечно, он посылал письма, фотографии: с молодой супругой-чешкой, на которой женился в Брно, с детьми, которые родились уже в России... Но фотографии не заменяют живого, теплого лица. Он тоже не узнавал ее на фотографиях: видел лицо старой женщины и знал, что это его мать, та, которую он помнил еще совсем молодой, и не мог ни поверить, ни согласиться с переменой, совершившейся в ней.

— А твоя мать жива? — услышал я вдруг за спиной его тяжелое, астматическое дыхание.

— Нет,— ответил я.

Он наклонился вперед, и его большая голова в неуклюжей теплой шапке оказалась между моими и Сашкиными плечами. На нас наплывала темнота. Ехали мы с погашенными фарами, только габаритный фонарик на левом крыле бросал узкую полоску света на бетон широкой дороги. Незаметно очутились мы на улице с одноэтажными темными домами. Под заборами жались грузовики, тягачи, пушки. Дорогу перебегали бойцы без шинелей, в одних шапках. Мы остановились. Грохот пушек стал слышнее. Высоко в небе кружил самолет, звук его моторов то приближался, то удалялся. Никто не обращал на него внимания.

— Будем ночевать? — спросил шофер.— Впотьмах ничего не найдем.

С этим пришлось согласиться. Мы разыскали штаб какой-то части. Сашко остался в штабе при машине, вернее, при штабных шоферах, с которыми у него сразу же нашлись общие дела. Нам дали бойца, и он повел нас в темноте через какие-то дома, дворы, длинные пакгаузы, железнодорожные рельсы, ориентируясь так уверенно, словно всю жизнь тут прожил. Наконец он остановился у каких-то ворот и дернул за проволоку, лишь ему видную в темноте. Во дворе злобно залаяла собака, потом лязгнул засов, и к воротам приблизились медленные шаги немолодого, должно быть, человека. Пес, не умолкая, лаял и кидался на нас, когда мы вошли во двор, и хозяин никак не мог его успокоить.

Мой спутник смело ступил к собаке и, протянув к ней руку, заговорил по-венгерски, тихо и кротко, с какой-то щемящей тоской в голосе. Было темно, только снег белел под ногами, и на нем чернел лохматый пес, он прыгал и лаял, задирая голову. Арпад говорил прерывистым голосом все тише и тише, и я видел, что хозяин, стоявший рядом с нами, молча кивает головой, будто поддакивая ему... Пес вдруг перестал лаять, застыл на месте, потом неуверенно гавкнул раза два, поджал хвост, повернулся и пошел протоптанной тропинкой в глубь двора, к конуре.

Мой спутник и хозяин дома коротко и не очень весело посмеялись.

Позднее, уже в доме нашего хозяина, рабочего железнодорожных мастерских, сидя у маленькой печки, которая еле нагревала низкую, сырую комнату, я спросил у Арпада, что он говорил псу.

— А я ему все рассказал по правде,— положив на колени кулак с зажатой в нем трубкой, ответил Арпад.— Как можешь ты, венгерский пес, лаять на меня?.. Я пришел в этот город искать свою старую мать и не знаю, найду ли ее, и мне надо на ночь приклонить где-нибудь голову, мне и моему другу... Про тебя я тоже сказал... Ну, ты же видел, что один венгерский пес понял другого венгерского пса...

Шутка была не очень удачная, но трудно было требовать от него в эту минуту чего-нибудь лучшего. Мы погасили свет. Не знаю, спал ли мой спутник, а мне не спалось. Всю ночь над околицей кружил тяжелый самолет. Зенитки по нему не били, бомб он не кидал, только выматывал душу низким, утробным рычанием. Хозяин несколько раз входил и подбрасывал угля в чугунную печурку. Она раскалилась, но в комнате не стало теплей.

На рассвете, едва я заснул, меня разбудил артиллерийский обстрел. Я открыл глаза. Снаряды разрывались где-то совсем близко, с ясным, веселым звуком, словно со звоном лопались большие стеклянные баллоны. Арпад сидел уже на кровати, в полушубке и шапке, курил трубку и ждал, пока я проснусь.

— Нечего так долго спать,— сказал он, выпуская облако дыма.— Странный сон я сегодня видел. Ищет меня мой сын, а я тут же, дома, сижу у себя в комнате за столом и пишу письмо... Он ходит из угла в угол, ищет в чулане, на кухне, заглядывает в книжные шкафы, под кровати, а того, что я сижу у стола, не видит... «Что ты, Коля,— говорю я,— неужели ты меня не видишь? Я ведь тут, за столом». Он меня не слышит. «Какой же ты дурень,— рассердился я,— ты что, не только ослеп, а еще и оглох?» А он стоит посреди комнаты, разводит удивленно руками и кричит: «Мама, твоего старика нигде нет!» Они меня стариком зовут... Как ты думаешь, это очень плохой сон?



...Город жил полумирной, полувоенной жизнью. Бухали скрытые где-то за домами пушки, над крышами летели бомбардировщики, по улицам сновали грузовики с бойцами, походные кухни, санитарные автомашины. И тут же на тачках, на велосипедах и в детских колясках перевозили свои вещи будапештские жители, ночью прятавшиеся в бункерах; проходили замотанные платками девушки в брюках и коротеньких курточках; на тротуарах скалывали ломиками лед молчаливые, суровые с виду мужчины; охотники несли свои дробовики в комендатуру, и эти фигуры в высоких сапогах и охотничьих шлемах с пером странно было видеть на улицах города, в котором еще не кончился бой.

Мы обходили груды стекла и кирпича, скрученные узлом трамвайные рельсы, глубокие воронки; иногда возникала перед нами девушка в полушубке и ушанке и движением флажка, зажатого в озябшем кулачке, указывала направление: улица прямо — под обстрелом, ехать налево, третий поворот направо и снова вперед...

Кто знает, где спал наш шофер ночью и спал ли он вообще. Вид у него был усталый, глаза красные, нос распух. Он непрерывно чихал, мотая головой, тихо, как кошка, с видимым увлечением отдаваясь этому делу. Ему было и неловко, и смешно, и стыдно, особенно, когда он не мог сдержаться и чихал во весь голос.

— Ну что, отбомбился? — спросил Арпад, когда шофер особенно расчихался.

— Сейчас развернусь и начну новый заход,— спокойно ответил Сашко и сразу же начал до самозабвения увлеченно чихать.

Теперь уже я сидел сзади, а мой приятель — на переднем сиденье, рядом с шофером. Арпад осунулся за ночь, седая щетина торчала на его большом лице. Он хмуро бормотал себе под нос названия улиц, по которым мы проезжали, иногда бросал шоферу: «Направо... прямо... теперь налево...» — и только один раз, когда мы ехали мимо какого-то длинного, казарменного вида здания, повернул ко мне голову и, не вынимая трубки изо рта, проговорил:

— Тут меня муштровали, когда я отбывал действительную в императорско-королевской армии. Представляешь себе, какой из меня был солдат? Уже тогда у меня было порядочное брюшко, и фельдфебель упирался в него коленом, показывая, как надо затягивать ремень...

Вдруг он схватил шофера за плечо.

— Стоп! Немного назад... Проехали! Эх, надо ж было...

Сашко на месте развернул машину, проскочил перед радиатором здоровенного грузовика, и мы очутились на противоположной стороне улицы. Арпад еще на ходу ухватился за ручку, дверцы открылись, и он вывалился на тротуар. Когда я, выбравшись из машины, стал рядом с ним, он смотрел на окна шестиэтажного дома, словно надеясь увидеть в одном из них свою мать.

— Тут? — спросил я.

Арпад, не отрывая глаз от окон, кивнул.

— Чего ж стоять? Пошли.

Большие стеклянные двери парадного были забиты листами фанеры и досками наперекрест. Мы прошли в ворота и оказались в узком, заваленном разным хламом и засыпанном снегом дворе-колодце. К окнам сразу же прилипли десятки любопытных, встревоженных и испуганных лиц. Арпад растерянно озирался. Я заметил, что в растерянности он всегда подносил к груди руку с зажатой в ней трубкой. Дым окутывал его лицо, может, поэтому Арпад недовольно крутил головой и быстро проводил кулаком по глазам.

— Эй, люди! — крикнул он по-венгерски.— Может, кто выйдет к нам?

Несколько лиц отделилось от окон.

— Ты что, забыл, где ваша квартира?

— Нет, помню,— ответил Арпад и, помолчав, добавил шепотом: — Боюсь.

Несколько старух, девушка в синих брюках и трое мальчишек-подростков из разных дверей выскочили во двор. Они спешили к человеку в русской одежде, который хорошо говорил по-венгерски, и вот стали полукругом перед нами, несмело ожидая, что он скажет. Все не сводили с Арпада глаз, но он лишь скользнул взглядом по лицам молодежи и молча стал всматриваться в старух. Рука его медленно понесла трубку в угол рта, потом снова упала к груди, и Арпад опять сказал что-то по-венгерски.

— Ой, Арпад! — вдруг заголосила высокая старуха, запеленатая одеялом в больших старомодных цветах.— Ой, Арпад, это ты! Ты таки вернулся, как с неба слетел, счастливая судьба у твоей матери! А мой Карой как пошел с тобою в ту ночь, так я от него и не имела весточки. Ой, Арпад, милый, неужели это ты?

Женщина ступила вперед и коснулась Арпада пальцами, скорченными и сухими, как хворост, будто не верила глазам и хотела убедиться, что перед нею в самом деле стоит живой Арпад, друг ее Кароя.

— Двадцать шесть лет мучили нас за парня, Арпад, и знала бы я, что он жив, легче б мне было терпеть... Скажи мне, что он жив, Арпад... Не скажешь?

Женщины, девушки и ребята молчали. Они стояли, как хор в античной трагедии, готовый комментировать действие.

— Не скажу.— Арпад положил ей руки на плечи.— Если б жив был ваш Карой, неужели он не откликнулся бы за двадцать шесть лет, матушка Ковач?

— Так ты знаешь, что он...

— Знаю, что в ту ночь, как мы переходили границу под Шопроном, нас обстреляли с двух сторон... И с той ночи я его не видел.

Матушка Ковач молчала. Одеяло сползло у нее с головы и открыло прямые и тонкие седые волосы, собранные в маленький пучок над затылком.

— А ваш Имре,— помогая старухе закутаться, сказал Арпад, и голос его был хриплым и скрипучим,— жив ваш Имре? Я помню его совсем маленьким...

Глядя себе под ноги, матушка Ковач ответила:

— Имре забрали в армию... Ты был под Воронежем? Он убит под Воронежем еще в сорок втором году... И муж мой помер, Арпад, теперь я совсем одна... Но что ж ты не спросишь о своей матери?

— Я все время расспрашиваю вас о своей матери,— горько усмехнулся Арпад, и лицо его сделалось совсем старым и усталым.

— Ты счастливый сын, и мать твоя — счастливая мать. В последний раз она приходила сюда, когда начались бои в городе. Она оставила свой новый адрес, она знала, что ты приедешь... Я сейчас принесу тебе адрес.

Матушка Ковач спрятала руки под одеяло и ушла, тяжело шаркая ногами в старых мужских ботинках по снегу на асфальте. Она долго не возвращалась. Вокруг нас собиралось все больше народу, и как только появлялось новое лицо, античный хор начинал рассказывать с комментариями обо всем, что тут произошло; потом рассказывали уже и те, что сами не были свидетелями, а лишь слышали пересказ; чувствовалось по оживленному разговору, что при нас рождается легенда.

Арпад стоял среди толпы, курил свою трубку и только кивал головой и бросал скупые слова, когда кто-нибудь обращался к нему. Но



к нему почти никто не обращался, на него смотрели с осторожным обожанием, как на живое воплощение только что родившейся легенды.

Матушка Ковач вернулась встревоженная и растерянная.

— Миклош! Ты тут, Миклош? — крикнула она еще издалека.

Из толпы выскользнул худенький черноволосый паренек лет пятнадцати в теплой куртке и вязаной спортивной шапочке.

— Я тут, вот он я!

— Ты помнишь, куда я тебя посылала за иголкой недели три тому назад? Я посылала тебя к матери этого человека, который пришел из России... Хорошо, хорошо, я знаю, у тебя прекрасная память, Миклош, а я забыла, куда положила адрес. Ты сможешь показать, где она живет?

— С закрытыми глазами! —восхищенно прошептал Миклош и мигом очутился возле Арпада.

Арпад взял его за руку, и лицо паренька прямо засветилось.

— Так проводи, только сразу же возвращайся...

— Спасибо вам, матушка Ковач, что не забыли меня,— сказал Арпад.

Сашко спал, скорчившись в машине, пришлось его разбудить. Теперь рядом с ним сел Миклош.

Город раскрывался перед нами панорамой прямых пустынных улиц, разрушенных домов, забаррикадированных переулков. Шпили церквей исчезли в белом мареве метели, которая внизу казалась не такой густой. Миклош азартно показывал шоферу, куда поворачивать, ерзал на сиденье, протирал ладонью запотевшее стекло перед собой, повертывал к нам свое остроносое лицо и улыбался, словно говоря: не беспокойтесь, все будет в порядке...

Арпад тяжело молчал. Трубка его погасла и давно уже остыла. Он иногда совал ее в рот, тщетно пытаясь затянуться, но не зажигал.

— Тебе спички дать?

— Нет,— хмуро ответил он и, помолчав, добавил: — Она не ошиблась. Я и вправду был под Воронежем.

— Ну и что?

— Она вправе думать, что я упокоил ее парня. А разве я виноват? Я подползал по снегу к окопам и через рупор призывал венгерцев сложить оружие и сдаваться в плен... не воевать за Гитлера...



— То-то и оно. Гитлер во всем виноват.

— Если б мы удержали власть в девятнадцатом году, Венгрия была бы социалистической и не воевала бы против Советского Союза. Не погиб бы Имре, не погибли бы тысячи других Имре, и я не чувствовал бы того, что чувствую сейчас.

— Историческая обстановка в девятнадцатом году была против вас.

Миклош остановил машину, выскользнул на тротуар и побежал к низкому полутемному подъезду, похожему на туннель. Боец, стоявший у ворот, положил руку на приклад автомата с большим круглым магазином. Я высунулся из машины, боец увидел мои майорские погоны и пропустил Миклоша во двор.

Из туннеля выползла самоходка, развернулась посреди улицы, послышалась команда, и сразу за нею выстрел, потом другой, третий... Молодой артиллерист подбежал к машине.

— Отведите машину за угол... У нас тут весело!

Сашко начал вяло пререкаться с артиллеристом, больше для развлечения. Самоходка давно уже уползла задним ходом в туннель подъезда, а они все еще обменивались шпильками, оба с независимым видом и с чувством собственного превосходства над другим.

— У тебя что, черепок запасной имеется? — презрительно говорил артиллерист, играя глазами и всем своим молодым лицом.— Вот расколют его, не в чем будет кашу в раю варить, тогда будешь знать, как не слушаться приказа.

— Ты за мой черепок не беспокойся,— не глядя на артиллериста, неохотно огрызался Сашко,— в нем и в разбитом-то сварится, что у тебя в целом не вскипит... Иди в свой туннель, а то я тебя разбомблю!

Мы засмеялись. Артиллерист начал и вправду закипать. Но тут появился Миклош. Он шел к машине с растерянным и смущенным видом. За ним, надвигая на голову шапку, шагал немолодой человек с тонкими подкрашенными усами.

— Она уже не живет тут, ваша мама,— сказал Миклош.— Вот этот человек знает, где она живет, и берется показать вам дорогу, а мне домой надо...

Мы ездили по улицам Будапешта целый день. Рядом с шофером сидели разные люди. Почтальон, сменивший Миклоша, передал нас владелице маленькой пивной; эта говорливая остроглазая женщина — пономарю, похожему на красноносого гусака, втиснутого в узкое пальто. Потом нас развлекал допотопными анекдотами аптекарский ученик, парень с низким лбом, заросшим рыжими всклокоченными волосами, больше смахивающий на боксера; он между прочим шепотом, округляя маленькие глазки, предложил нам разные патентованные лекарства, которых, мол, ни за какие деньги не достанешь в разрушенном Будапеште. Колченогий дворник, сменивший рыжего боксера в переулке у Телеки Темплом, сел в машину вместе со своей лопатой, чтоб ее не стянули; он сказал, что тут совсем близко, и провез нас по трем адресам... Все горячо хотели помочь Арпаду, но его мамаша сменила столько адресов за последний месяц, что найти ее казалось невозможным.

Конечно, ей было чего бояться, особенно с тех пор, как власть захватили салашисты: ее сын говорил по радио из Москвы, не скрывая своей фамилии, словно не мог понять, что накликает беду на голову матери... Ну, а чего ж ей менять квартиры теперь, когда уже нечего бояться салашистов? Да так ей кажется безопасней. Знаете, старая женщина... Говорит, если долго сидеть на месте, обязательно попадешь под бомбу или снаряд, а она хочет увидеть сына, ведь он уже где-то близко. Так и таскает с дочкой свой возок по городу: подушки, два старых одеяла, чемодан с тряпьем и всяким хламом...

Вечером, когда наступил комендантский час и штатским нельзя уже было ходить по городу, мы отвезли колченогого дворника в его переулок близ Телеки Темплом и двинулись через весь город в Кишпешт, куда нас вели следы матери... Арпад снова пересел к шоферу. Усталые и голодные, мы молчали, медленно кружа по темным улицам.

Печальным и пустынным казался город, хотя за темными окнами его не умирали жизнь и надежда. Остановившись на углу какой-то улицы, чтобы прочесть надпись на фанерной стреле путеуказателя, мы услыхали рокот самолета над головой и бурные звуки фортепьяно, которые вырывались из разбитого окна и сливались с тревожной мелодией моторов, дальними разрывами бомб и непрестанным грохотом ночной канонады...

Душа бессонного города раскрывалась в этих звуках; вместе с нами их слушали бойцы ночного патруля и девушка-регулировщица, укрытая тяжелой брезентовой плащ-палаткой поверх полушубка. Кто-то шумно и радостно вздохнул полной грудью, захваченный красотой, которую дарили нам пальцы неизвестного человека, что страдал и не терял надежды на счастье в эту темную и тревожную ночь.

Столб пламени взвился в небо над Будой. Прожекторы скрестили в небе свои голубые мечи. Холодным серебром блеснуло распластанное над темнотою продолговатое тело самолета. Исступленно застучали зенитки, но никто не тронулся с места, все мы слушали музыку, которая поднималась из глубины нашей общей души. И только когда музыка замолкла, погасла, растаяла, я услышал, как Арпад пробормотал что-то по-венгерски, вздохнул и сказал по-русски:

— Поехали, поехали... У тебя спички есть?

Он долго раскуривал свою трубку, вздыхая и бормоча. Мы буквально ползли по улицам, часто останавливались, теряя дорогу. Он выходил оглядеться, и мы снова ползли, стиснутые темными домами, которые становились все меньше, и темным небом, которое нависало над нами все ниже и ниже... Наконец Арпад вскрикнул:

— Стой, это где-то здесь!

Я тоже вышел из машины. Мы стояли посреди довольно широкой улицы, по обеим сторонам которой теснились приземистые дома. Присвечивая спичкой, Арпад прочел название улицы на табличке углового дома.

— Тут! — громко крикнул он и, схватив меня за руку, потянул за собой вдоль домов и заборов с такой быстротой, которой от него трудно было ждать. Мы не шли, а бежали. Арпад, тяжело глотая воздух, считал дома. Улица была по-ночному безлюдна, только впереди, на крыльце какого-то скособоченного домика, темнела маленькая фигурка...

— Мы, кажется, проскочили, сейчас я спрошу.— Он бросил мою руку и двинулся вперед.

Я не отставал от него. За нами медленно ползла наша машина.

Маленькая фигурка, укутанная с головы до ног, отделилась от крыльца и пошла нам навстречу.

— Арпад, это ты? — послышался дрожащий голос.— Что ж ты заставляешь мать всю ночь мерзнуть на снегу, сынок?

Арпад взмахнул руками, неуклюже и тяжело, как большая птица, не привыкшая ходить по земле. Мать припала головой к его полушубку. Он обнял ее за плечи и, пригнувшись, поцеловал толстый шерстяной платок, в который она укуталась. Открылись двери, на крыльце появилась высокая худощавая женщина в чем-то светлом.

— Мама, сколько же можно?! — Вдруг голос изменился, и я услышал почти испуганное: — Ой, Арпад, наконец!..

Сестра Арпада спрыгнула с крыльца на снег в ночных туфлях на босу ногу, в голубоватом халате, простоволосая, на миг обняла длинными, худыми руками брата и мать вместе и сразу же начала подталкивать их к крыльцу.

— Идите, да идите же...— повторяла она.

На снег легла желтая полоса света, потом двери закрылись, и снова стало темно.

Ничего удивительного не было в том, что Арпад забыл о нас в эту минуту; удивительно было, что он так скоро снова появился на крыльце и позвал нас в дом. Мы взяли хлеб, консервы, замерзшего зайца и пошли за Арпадом. Мать и сестра его встретили нас как родных. Говоря что-то по венгерски, они жестами приглашали нас раздеться. Мать взяла у меня из рук хлеб, Сашко поставил на стол консервы. Держа за задние ноги зайца, он стоял посреди комнаты, широко улыбался и сверкал своими горячими глазами.

— Nyulacska,— проговорила сестра Арпада и погладила зайца по спинке.— Der Hase,— пояснила она по-немецки.

Мать Арпада без толстого шерстяного платка казалась совсем маленькой. Если б не изрезанное морщинами лицо и не седые волосы, она походила бы на девочку-подростка. Арпад рядом с ней выглядел великаном, он и обращался с ней, как добрый великан: растерянно и смущенно улыбаясь, он то прикасался к плечу матери, то осторожно прижимал ее к своему перетянутому ремнем животу,— и все это, не выпуская из кулака своей обугленной трубки.

Жужи — так звали сестру Арпада — вышла на минуту из комнаты и вернулась с хозяином дома — усатым сапожником, который дал им приют на несколько дней; за сапожником вошла его заспанная жена, ведя за руки мальчика и девочку; дети кулачками протирали глаза, взрослые говорили все вместе, жали друг другу руки, улыбались, садились и сразу же вскакивали, чтоб снова улыбаться, говорить и пожимать руки... Сапожник не выдержал, вышел и вернулся с пузатой бутылкой и маленькой рюмочкой. Он налил всем по очереди, не обнеся и нас с Сашко. Потом сказал что-то жене — она сразу подхватила детей, которые глаз не сводили с зайца, и повела их спать; за ней двинулся и сам хозяин, не забыв бутылки с недопитой водкой.

— Весь Будапешт сегодня побывал у нас,— не отходя от Арпада, говорила мать,— все видели тебя раньше, чем я. Только мне пришлось ждать до ночи... Но матери умеют ждать, этому вы научили нас...

— Нет, мама,—попытался пошутить Арпад,— я не учил тебя ждать на улице... Зачем? Ты же могла простудиться...

— А если б ты не нашел этого дома в темноте? — серьезно ответила мать на его шутку.— Ференц сказал, что ты стал совсем близорукий.

— Какой Ференц, мама?

— Аптекарский ученик, он сдал тебя дворнику у Телеки Темплом.

— Так он же не знал твоего адреса!

— Будапешт — большая деревня, сынок. К полудню весь город знал, что ты меня разыскиваешь. Ференц прибежал, как сумасшедший, он весь дымился. «Я принес вам радостную весть!» — кричал он еще с улицы, но я от него ничего не узнала, кроме того, что тебе надо купить очки. Потом пришел Миклош...

— И Миклош был тут?

— И Миклош и тетушка Ковач... Сын у нее погиб, ты знаешь?

— Она мне говорила,— угрюмо отозвался Арпад.

Сашко тем временем открыл жестянку свино-бобовых консервов. Жужи разогрела их на пузатой железной печке и нарезала наш солдатский хлеб. Тарелки она принесла из кухни сапожника. Мы ели молча, только мать Арпада иногда тихо говорила что-то и снова склонялась над тарелкой. Она сидела меж дочерью и сыном, и странно было знать, что она, эта маленькая женщина, родила таких больших и сильных детей. И сын и дочь были по-разному похожи на нее, а может, это мне только казалось в ту ночь, может, общая молчаливая нежность стирала черты несходства и обогащала всех троих общею человеческою красотою.

Арпад отложил вилку, подобрал коркой хлеба соус с тарелки и, медленно дожевывая, достал из кармана свою вечную трубку. Утирая губы тыльной стороной кисти, он проговорил, ни к кому не обращаясь и, наверное, не придавая никакого значения своим словам:

— Чашечка будапештского кофе, и я был бы совершенно счастлив.

Мать поднялась и с гордой радостью в глазах сказала:

— Спасибо тебе, сынок, что привез матери хлеба, а про кофе для тебя уж я сама позабочусь!

В углу на стуле стоял потертый, старый чемодан, тот самый чемодан, который они возили с квартиры на квартиру весь месяц. Не откидывая крышки, мать нырнула обеими руками в чемодан и вытащила небольшой мешочек. Арпад смотрел на этот мешочек, наспех сшитый из цветастого ситца, широко раскрытыми, удивленными глазами. Кулак с трубкой он, как всегда в таких случаях, прижал к груди, дым синими волнами омывал его лицо.

— Откуда это у тебя? — прошептал Арпад, вспоминая и боясь вспомнить.

— Узнаешь мешочек?

Мать поставила мешочек на стол, аккуратно раскрыла его и, набрав в обе руки кофейных зерен, начала пересыпать их. Тихо стучали черно-коричневые зерна, вырастая в мешочке небольшим конусом.

— Твоя последняя посылка, Арпад... Отец уже не успел попить этого кофе, а мы с Жужи не пьем его. Ты же знаешь, Арпад, мы никогда не любили кофе, это был напиток отца и твой тоже...

Арпад сидел, закрыв глаза. Незадолго до войны ему удалось переслать родителям небольшую посылку через третью страну, чтоб не напоминать венгерской полиции, что сын старого портного Ласло Локатоша живет и работает в Москве. Жена сшила этот мешочек из Наташиной детской юбки. «Пошлем кофе твоему будапештскому деду»,— сказал он Наташе. Теперь нет будапештского деда, а Наташа, не окончив институт, пошла на фронт медсестрою... И Коля на фронте, и от обоих давно нет писем...

Синий дымок омывал лицо; Арпад тер глаза кулаком и не то кряхтел, не то кашлял.

— А потом началась война,— тихо говорила мать,— и я решила сберечь этот кофе для тебя, ведь я знала, что теперь дождусь-таки тебя... И пускай никто не судит меня за то, что я счастлива, когда другие матери плачут...

Мать всхлипнула — впервые за все время. Жужи из-за ее спины поставила на стол кофейную мельницу, старинную, блестевшую ярко начищенной медью.

— Я взяла ее на кухне. Думаю, хозяин не рассердится...

Мать вытерла слезы.

— Я приготовлю тебе кофе так, как его готовили когда-то в Будапеште...

Зачерпнув ладонью кофейных зерен, она всыпала их в мельницу. Арпад взял мельницу, зажал ее коленями и начал крутить ручку...

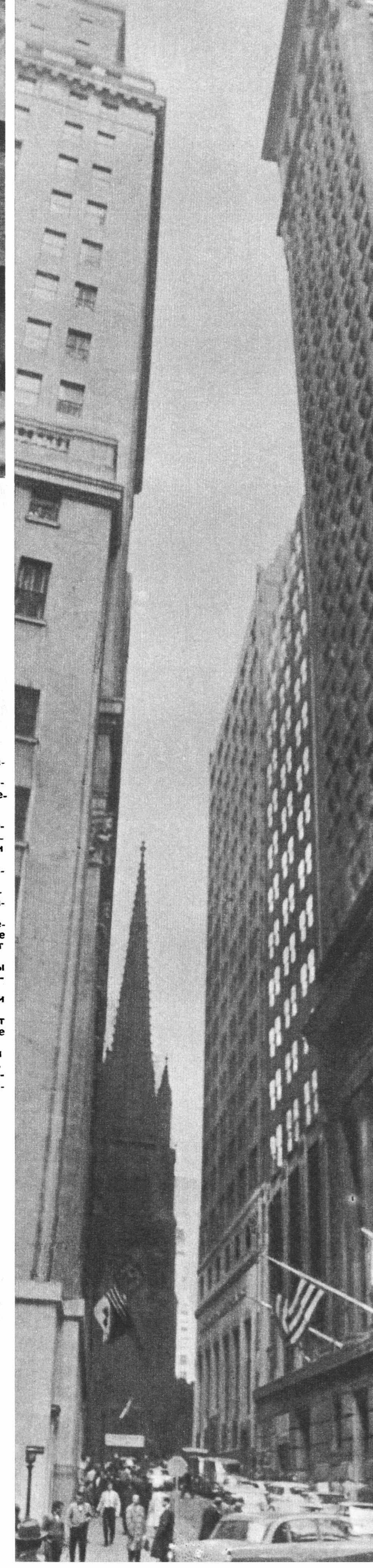
Эту историю рассказал мне мой знакомый — подполковник в отставке; он работает теперь заведующим сберкассой на нашей улице. В сорок пятом году он принимал участие в штурме Будапешта и помог Арпаду разыскать мать.



Перевела с украинского
А. ГРОМОВА.



Молодой строитель гидроэлектростанции на Ниагарском водопаде сказал нам:
— Передайте привет вашему премьеру Хрущеву. Когда он был в Америке, он всем нам понравился. Прямой человек — с нами так и надо разговаривать!



АМЕРИКА №1

Вас. ЗАХАРЧЕНКО

...В девять часов утра мы ходили по московской земле, а в десять вечера того же дня, немного растерянные, стояли в Нью-Йорке среди вздрагивающих, сверкающих, осатанелых реклам Бродвея.

Мы встречались в Америке с сотнями людей самых разнообразных профессий. Были на нескольких стройках и заводах, в трех университетах — Колумбийском, Нью-Йоркском и Чикагском. Мы посещали картинные галереи, кинотеатры, слушали радио, смотрели телепередачи.

И перед нами, конечно, предстали две Америки.

...Небоскребы, облицованные анодированным алюминием и нержавеющей сталью, металлическими иглами вонзаются в небо над Манхаттаном. Они принадлежат частным фирмам, компаниям, банкам, отдельным лицам. Раздувшаяся от прибылей буржуазия — и люди без работы, с тоскливыми и озабоченными глазами. Их в стране немало — четыре с половиной миллиона...

Америка № 2 всеми силами толкает Америку № 1 на путь гонки вооружений, на путь войны, пытается разжигать нелюбовь и ненависть к нашей стране и народу.

Население Америки № 1 — подавляющее большинство американцев — доброжелательно к нам, советским людям. Я не помню ни одного из многих сотен разговоров, во время которых кто-либо из наших собеседников призывал бы к войне или агитировал за нее.

Перед моими глазами стоит коммерсант Норман Смит из Нью-Йорка, с которым мы очень долго беседовали. Он впервые видел советских людей и буквально засыпал нас вопросами. Он пел с нами русские песни, вообще всячески старался проявить свое дружелюбие. Совсем недавно я получил письмо от Смита.

«Нас учили ненавидеть вас,— писал он,— но мы должны противостоять этой пропаганде, должны научиться любить и понимать друг друга. У нас в Америке много хороших и удивительных людей — не очень трудно научить их дружить с Россией».

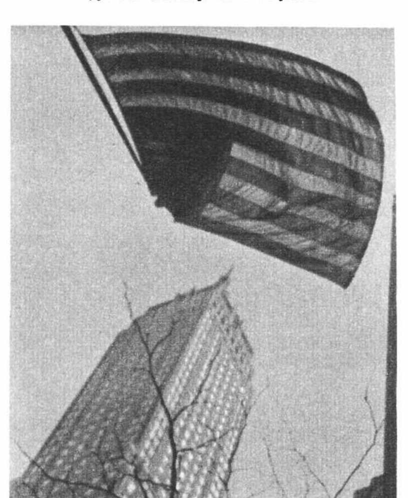
Нам не пришлось посетить южные штаты Америки. Но даже в Нью-Йорке и Чикаго мы видели почти неприкрытое разделение на белых и черных.

Гарлем в Нью-Йорке... Квартал как бы врублен в тело города. Прогрессивная Америка протестует против того, что негры не имеют права зайти в кафе для белых, не имеют права ехать в одном вагоне с белыми. И этот протест — тоже примета двух Америк.

Литература, радио, кино, телевидение — все силы современных средств пропаганды под незримым руководством, идущим из единого центра, обрушиваются на сознание простого американца. Они калечат, уродуют его, пытаясь развить в человеческой душе самые темные инстинкты. Но простой американец сопротивляется. И чем дальше, тем больше он будет сопротивляться растлевающему влиянию того «американского образа жизни», который рекламирует Америка № 2.

И АМЕРИКА №2

Четырехгранный куб небоскреба под звездно-полосатым флагом — в этом видит символ своего величия Америка № 2. Но Америка № 1 одноэтажна, как писали когда-то Ильф и Петров.



Стены небоскребов почти сходятся над головой, закрывая небо, солнце. Не думайте, что этой церкви плохо в каменном ущелье. Это самая богатая церковь в Америке: земли ее давным-давно сданы в аренду... под небоскребы.



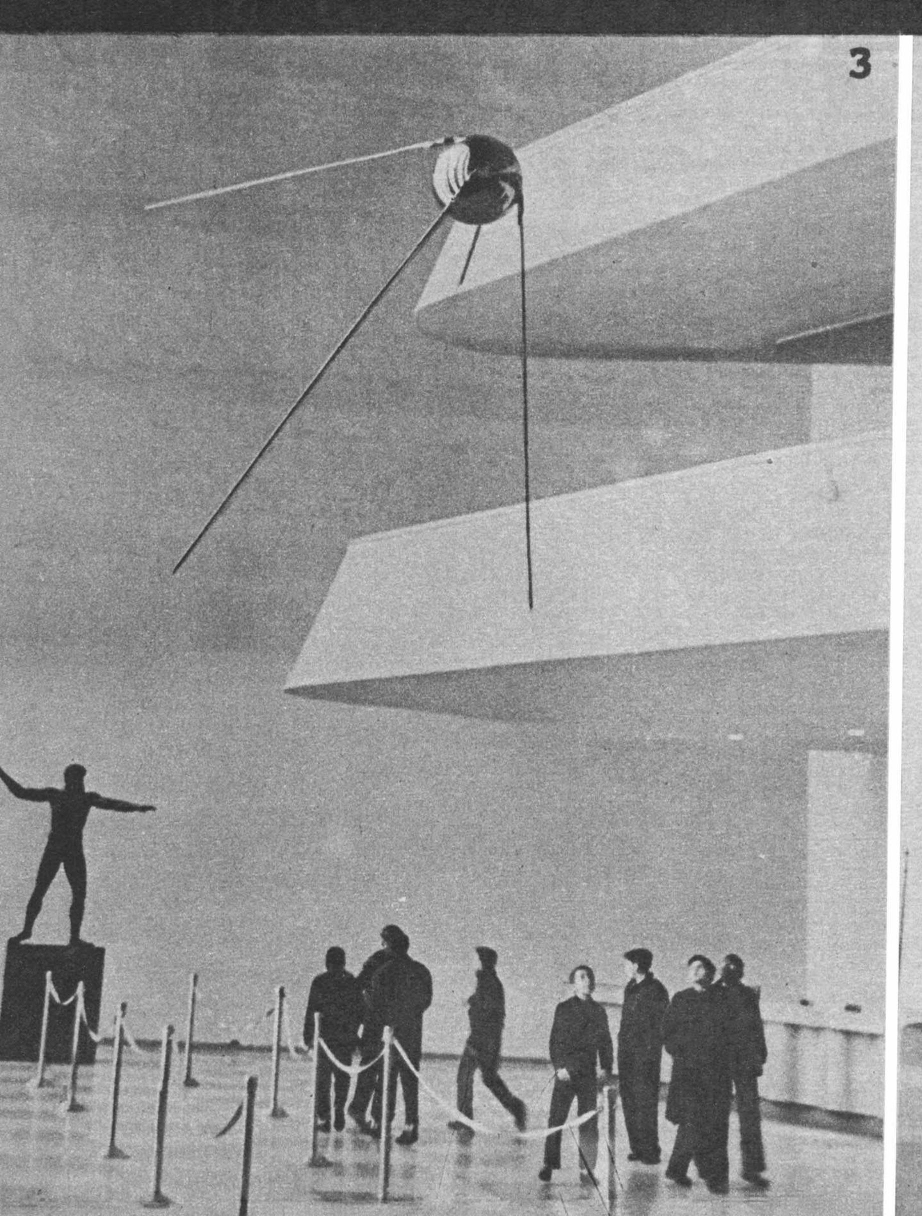
1



2

АМЕРИКА № 1 И АМЕРИКА № 2

3



4





1. «Один путь»—написано над светофором. Эти слова звучат как горькая ирония судьбы. Вряд ли по душе владельцу дорогого автомобиля тот «путь», на котором очутится безработный, роющийся в мусорном ящике.

2. «Фирма Вулворт» на юге занимается сегрегацией! — написано на плакате.— Не покупайте в магазинах «Вулворта»! Пикетчики из негритянской студенческой молодежи раздают прохожим листовки. «Мы требуем, чтобы нас обслуживали вне зависимости от цвета кожи!» — говорят они.

3. Первый советский спутник, раскинув тонкие усы антенн, украшает главный зал здания ООН.

— Ваш спутник завоевал восхищение всего мира,— сказал мне американский гид.

4. Бронзовая фигура индейца красуется на чикагской улице. Живым индейцам — коренному населению страны — отведено место в резервациях.

Это во имя их будущего борется сегодня прогрессивная молодежь Америки! Я снял этих негритят в Гарлеме.

— Чему ты улыбаешься! — спросил я парнишку.

— В первый раз я смотрю в советский фотоаппарат!



Доллары на аркане — символ американского «процветания».

«Не допускай, чтобы они покинули тебя!» — святая заповедь Америки № 2.

«Служба в военно-морских силах сделает вас человеком», — обещает плакат на улице. Воспитывать таких, как шпион Пауэрс, — вот что это значит на языке американской военщины.



А на растрескавшемся асфальте улицы очередной американский безработный — живая реклама — выколачивает гроши на пропитание.



Михаил Афанасьевич Яхонтов, видно по всему, не привык давать интервью.

— Цифры записали? Так... Остальное увидите сами на Кошевом, на Северо-Западе, на Беговой, на Загородной, там сейчас самая страда. Прошу извинить. Минутку...

И, прервав разговор, он откликается на очередной телефонный звонок. Сколько таких звонков раздается в кабинете главного инженера Главвладивостокстроя!

Но вот трубка положена, глаза Яхонтова за стеклами очков снова обращены к собеседнику.

— Хотите расшифровать цифирь? Пожалуйста. Владивостоку сто лет. За первый век тут построено жилья миллион четыреста тысяч квадратных метров. А на семилетку план — миллион шестьсот. Или возьмем капиталовложения: четыре миллиарда триста двенадцать миллионов рублей. Это значит, заново создается целая строительная индустрия.

Да, есть что сравнивать, есть над чем задуматься. Второй город — куда больше и краше прежнего, обновленный, молодой — рождается сегодня, в начале второго века жизни Владивостока...

В НАЧАЛЕ ВТОРОГО ВЕКА...

С. МОРОЗОВ, специальный корреспондент «Огонька»

Если глянуть со стороны, пейзаж города оригинален, неповторим. Изумительно соседствуют тут суша и море, заливы причудливо врезаются в глубь гористого берега. Но посмотрите глазами строителя, и вас озадачит изобилие воды и скудость территории.

Прямо перед окнами Главвладивостокстроя, за трамвайными рельсами и деревьями сквера, торчат корабельные мачты, трубы. А за спиной у нас, что называется, с тыла большого четырехэтажного здания, лепятся по склону «избушки на курьих ножках». Над ними лысая макушка сопки.

Это на Ленинской, главной городской магистрали, которая на несколько километров тянется над Золотым Рогом.

Шагаешь от центра по Суйфунской, Китайской, Тигровой — и чувствуешь себя альпинистом. Крутые ступени кварталов вырубали в сопках поколения старожилов, пока основанный моряками пост «Владей Востоком» вырастал в портовый город Владивосток.

И сегодня, когда порт продолжает расти, замечаешь, как щедры тут воды и как скупа, прижимиста суша.

На большом и трудном фронте наступает многотысячная армия владивостокских градостроителей.

Один из отрядов ее за Чуркиным мысом, на новой улице Олега Кошевого. Прошлой осенью, помнится мне, все тут выглядело, как в предместье. А сегодня рядом с беленькими коттеджиками китобоев золотятся облицовочным кирпичом четырехэтажные городские дома. Целый квартал их поднялся вдоль широкой полосы недавно уложенного асфальта. А напротив, на пустыре, еще громыхают, пылят бульдозеры.

— Там еще к нулям не подобрались,— показывает на пустырь начальник стройучастка Константин Иванович Дулов,— а тут...— Он ведет нас под горку дворами, где уже играют ребятишки новоселов.— Тут, видите, последние наши нули.

«Нулем», «нулевым циклом» именуются работы, предшествующие кладке стен. Вникая в строительную терминологию, замечаешь, что здесь в отличие от математики нуль не всегда равен нулю.

Один котлован уже выложен изнутри железобетонными блоками, краны опускают на них плиты перекрытий. Скоро цокольный этаж будет готов. А в другом еще стрекочут перфораторы, врезаясь в рыжий каменистый грунт: такой экскаваторами не возьмешь. Невольно думается: в солидную копейку влетают владивостокским строителям эти самые «нулевые циклы»! Наверное, большущие горы земли перекопали здесь, прежде чем в бугристый склон надежно вросли фундаменты, на которых сейчас высится новый городской квартал.

— От цоколя вверх теперь быстро научились лезть,— рассказывает руководитель комплексной бригады Виктор Ильченко, небольшого роста чернявый паренек.— Нынче за неделю этаж кладем. Месяц-полтора — и вся коробка готова.

Бригаде Ильченко, на счету которой уже не один новый дом, недавно присвоено звание коллектива коммунистического труда. Мы, признаться, были удивлены, когда Виктор Моисеевич смущенно отмахнулся, заметив нацеленный на него фотообъектив.

— Один сниматься не буду. Сменщиков наших тоже надо уважить. Соревнуются, догоняют нас. Погодите малость, заявится сюда ихний бригадир Потапов Вася... Тогда уж нас вместе...

Василий Павлович Потапов, как и всегда, пришел задолго до начала своей, второй смены. И они сфотографировались рядышком — Ильченко и Потапов, ровесники, земляки, друзья. Вместе уходили на Киевщине в солдаты, вместе служили действительную тут, на Дальнем. Отслужив, стали каменщиками, выросли из рядовых в командиров стройки.

Большой строительный фронт раздвигает границы города, сложившиеся за столетие. Один фланг на улице Кошевого, с которой виден Уссурийский залив, другой фланг нависает над заливом Амурским. Именно нависает. С верхних этажей корпусов, растущих на гористом берегу, из кабин башенных кранов, движущихся по недавно уложенным рельсам, как на ладони морская ширь. Она то серо-стальная, вспененная гребешками под штормовым тихоокеанским ветром, то голубая, зеркальная под высоким и горячим солнцем сорок третьей параллели. Ну, как не вспомнить тут, что широта Владивостока та же примерно, что и широта Сухуми.

Но строители не придают большого значения координатам градусной сетки. У них своеобразные приметы географии.

— Наш Северо-Запад сродни московскому Юго-Западу,— говорят они шутливо.

Да, много тут общего с передовой столичной новостройкой и в размахе и в стиле работы. Разумно выбрана площадка, есть где разместиться жилому массиву на сто тысяч квадратных метров. Есть тут куда расти, расширяться будущим кварталам. Удобна связь с центром: автобусы, пригородные поезда, через год-другой пойдет электричка. По соседству, за сопкой, меж зеленой листвы желтеют корпуса «городка науки», там расположатся институты, лаборатории Дальневосточного филиала Академии наук. Еще севернее по берегу залива тянутся дачи, санатории — курортная зона Владивостока.

На площадках Северо-Запада (зовут его по старинке и «Капустным полем»: издавна зеленели тут огороды) стрелы кранов ловко подхватывают из кузовов машин то бадьи с раствором, то блоки готовых облицованных простенков, то дощатые площадки — поддоны с кирпичом. Блоки прямо из заводских цехов.

Если Кошевой и Северо-Запад — гористые фланги, то центральный участок строительного фронта — в низине, за бухтой Золотой Рог, где журчит речушка с забавным именем «Объяснение» (говорят, в старину здесь на загородных прогулках объяснялись влюбленные). Капризная речушка: в сухую погоду воробью по колено, в дождливую бурлит, точно Терек. Словом, и тут не райский уголок для строителей. На метр-полтора бульдозеры снимают слои торфяников, горы песка и гравия перевозят сюда самосвалы. Иначе площадки не приготовить.

И начинает уже забываться давняя обидная кличка местности — «Гнилой угол». По новым улицам — Спортивной, Загородной — идут трамваи из центра. В жилом массиве по Беговой редкую неделю не празднуют новоселье. Среди новоселов и коренные владивостокцы, рабочие Дальзавода, моряки торгового флота, и сами строители, приезжий народ; тут повстречаешь и москвичей и сталинградцев. Многие города запада нашей страны посылают в столицу Приморья лучших своих мастеров, помогают опытом, техникой.

— У Москвы учимся,— рассказывает молодой инженер Петр Васильевич Дакус, руководящий сборкой крупнопанельных домов по типовым проектам Героя Социалистического Труда А. А. Сусликова.— Эти два — наши первенцы. Тут, на Загородной, можно сказать, их колыбель.

Этажи двух соседних строений монтируются кранами из массивных железобетонных панелей. Быстро поднимают, крепят, стыкуют наружные стены, перегородки.

По соседству с крупнопанельными домами завод железобетонных изделий. Там, на полигоне, эти самые стены домов формуются в стальных кассетах.

Завод на Загородной — тоже пока первенец. Вслед за ним скоро начнут действовать и другие, куда более мощные тылы строительной индустрии Владивостока.

Тридцать пять тысяч квадратных метров жилья будет выпускать ежегодно домостроительный завод на Первой Речке, где заканчивается монтаж оборудования. Неподалеку строится второй, в шесть раз более мощный. От карьера, который уже прорезал склоны большой каменистой сопки, скоро протянется канатная дорога к цехам. Из цехов на стройплощадки города пойдут панели, сборный железобетон.

Репортаж о стройках Владивостока мы заканчиваем в городском Совете над развернутыми листами ватмана. План размещения строительства — прообраз будущего генерального плана — рисует нам облик города, каким он будет к концу семилетки.

Раздвинутся не только городские границы. Иным станет центр. Его украсят новые здания кинотеатров, библиотеки, Дома пионеров, учебные корпуса вузов и, конечно, новые многоэтажные жилые дома.

Прочерчены линии будущих магистралей. Расширенные, выпрямленные, они сократят расстояния между районами, пусть для этого надо будет пройти и тоннелем сквозь сопку и широким виадуком над путями железной дороги.

Интересный, хорошо продуманный план — верная путевка столетнему городу во второй век жизни.

Будущие штурманы дальнего плавания — студенты 5-го курса Высшего инженерного морского училища.

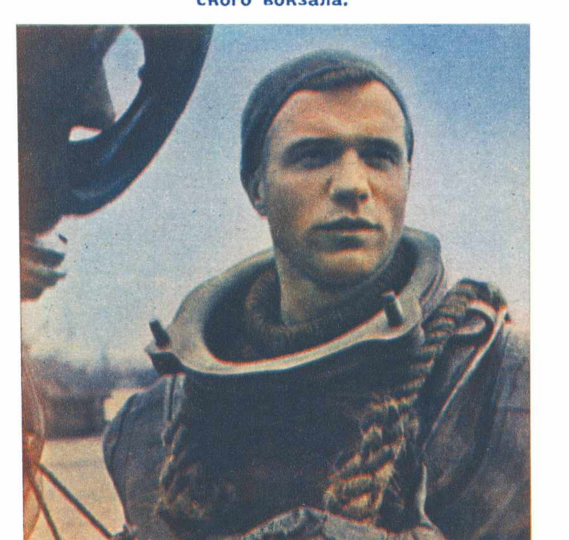
Фото И. Туннеля.



Аспирант Дальневосточного университета Галина Клянина.



Водолаз Д. Т. Облогин на стройке нового морского вокзала.

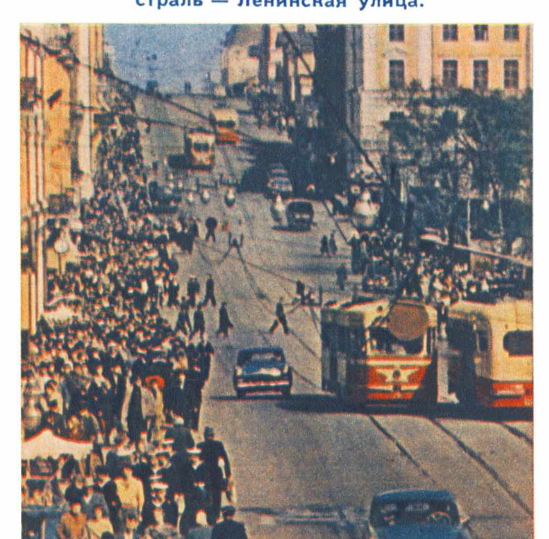


Нельзя не остановиться...

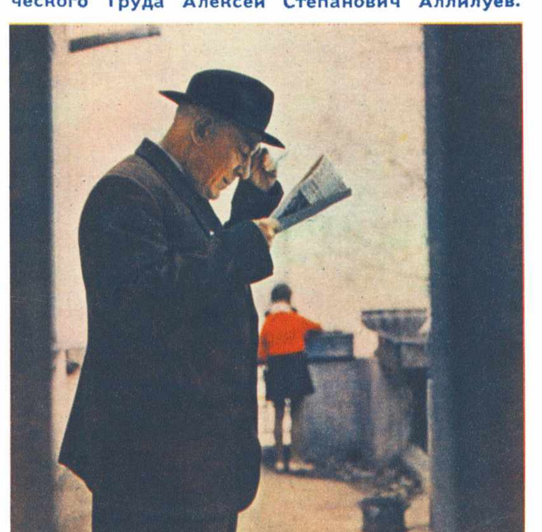


У ворот в Тихий океан на извилистом полуострове, между Амурским и Уссурийским заливами, стоит город, основанный русскими моряками летом 1860 года,— Владивосток.

Всегда многолюдна, оживленна главная магистраль — Ленинская улица.



Дальневосточный партизан, Герой Социалистического Труда Алексей Степанович Аллилуев.



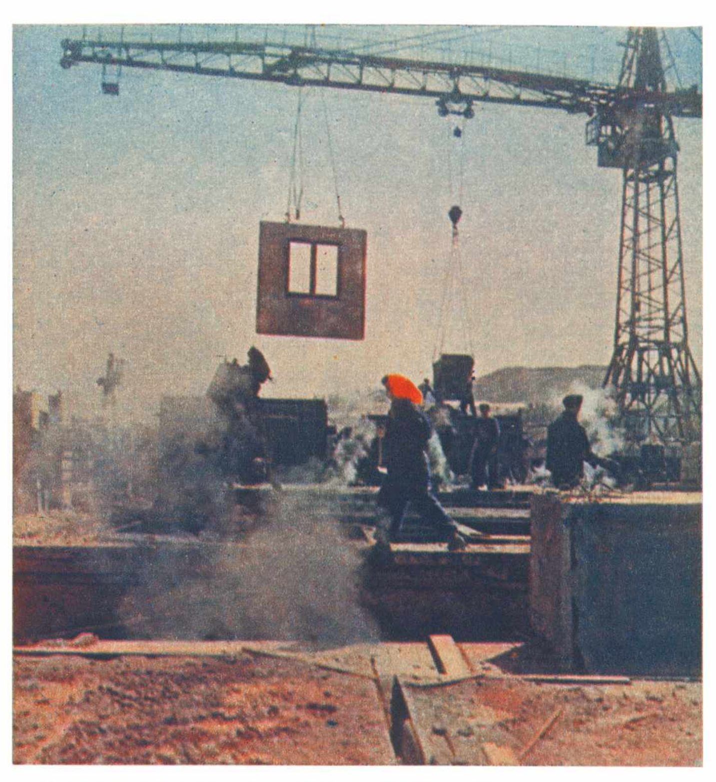
Диктор Г. А. Торчинская: «Добрый вечер, дорогие телезрители!»





Молодеет столетний город. Всюду: и на склонах сопок и на самом берегу — поднимаются корпуса новостроек.

← Любовь Полищук — комсомолка-крановщица.



Надежные тылы у молодой строительной индустрии Владивостока. Второй год работает завод железобетонных изделий. На полигоне в стальных кассетах изготавливаются стены будущих квартир.

С далекого Берингова моря вернулась «Пищевая индустрия» — база рыболовных флотилий, огромный плавучий завод. Идет выгрузка рыбы в мешках.





«ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ!

Мы, воины Брестского гарнизона, воодушевленные героическим примером всего советского народа, строящего коммунизм, решили быть на самых трудных и передовых участках его строительства. Наш срок службы подходит к концу. Организовав комсомольскую бригаду, предварительно все обсудив, мы решили ехать на стройки Дальнего Востока или Сибири.

Просим вас рассказать нам об этих районах страны и, в частности, о городе Владивостоке.

Сорокотяга В. Я., Винал В. К., Король Г. Я., Рыбин Б. Ю., Бурумбаев Н., Тимофеев А. М., Денте А. В.».

Выполняя просьбу читателей, редакция командировала своего специального корреспондента во Владивосток. Вот что рассказали ему люди разных профессий о своем городе, которому исполняется в эти дни сто лет.

СЕРДЦЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО КРАЯ

М. Ф. ЛАРИОШИН,
председатель Приморского совнархоза

Город, в котором ты родился и вырос, всегда остается близким, как бы далеко порой ни забросила тебя судьба. Почти десять лет подряд был я московским жителем, но редкий день, шагая по набережной Москвы-реки, не вспоминал извилистые берега Золотого Рога. Бывало, в предпраздничный вечер любуешься столичной иллюминацией и обязательно подумаешь: «А у нас-то, на Тихом океане, сейчас уже утро, там-то, у нас, праздник уже наступил...».

Конечно, живя в Москве, я отлично знал, что Владивосток теперь — большой современный город, что на месте пыльного Семеновского базара раскинулся просторный пляж, а по соседству, под крутым берегом, где ютились фанзы корейской слободки, теперь нарядная и удобная водноспортивная станция. И поэтому, скажу по совести, Владивосток не поразил меня ничем особенным в своем внешнем облике, когда я вернулся в родные места.

Но зато как много радостных перемен в экономике нашего Приморья!

Глядишь из окон здания совнархоза на бухту, на корабли, неторопливо плывущие к докам Дальзавода, вспоминаешь свои молодые годы, проведенные в его цехах. Только и было тогда у нас промышленности, что этот судоремонтный завод. А теперь... Из разных уголков края раздаются телефонные звонки:

— Вас вызывает Кавалерово. У аппарата Александров.

— Привет, Евгений Федорович! Чем порадуете?

У Е. Ф. Александрова, директора Хрустальнинского горнообогатительного комбината, всегда найдутся приятные новости. Хорошо работает комбинат: два с лишним миллиона сверхплановой прибыли дал только в прошлом году. По заслугам зовется коммунистической комплексная бригада М. И. Бойко: каждый рабочий владеет пятью специальностями, каждый имеет диплом горного мастера. Недаром методы кавалеровских горняков рекомендованы Бюро ЦК КПСС по РСФСР для многих горнорудных предприятий цветной металлургии.

...Звонят в совнархоз из Тетюхе. Там, на Сихотэ-Алинской обогатительной фабрике, работает новая флотационная машина. Творцы ее — наши приморские конструкторы и рабочие — показывают нынче свое детище в Москве, на Выставке достижений народного хозяйства.

«Изготовлено в Приморье» — эту марку уважают строители Братской ГЭС, Новосибирска, Кузбасса. На многие стройки Сибири идет цемент из Спасска. Кстати, помните «штурмовые ночи Спасска» в песнях наших отцов — дальневосточных партизан? Теперь у Спасска новая слава — трудовая.

Другой сосед Владивостока, Уссурийск, известен своей пищевой индустрией. Отличный сахар из приморской свеклы, много соевого масла, маргарина, мыла дают уссурийский сахарный завод и масложиркомбинат.

Частые гости в нашем совнархозе — угольщики и шахтостроители. Новая крупная шахта вступает в строй в Артеме. В Ретиховке скоро заработают два шагающих экскаватора на новом открытом разрезе.

Строительный лес, сборные дома из Имана и Лесозаводска везут за тысячи километров на запад — на Алтай и в Казахстан.

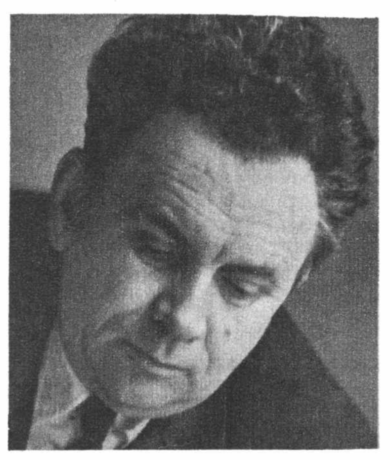
Широко шагает семилетка по приморской земле. Сколько новых отраслей получит развитие у нас в ближайшие годы!



М. Лариошин.

ТВОРИ, ВЫДУМЫВАЙ, ПРОБУЙ...

А. В. СТОЦЕНКО,
профессор Дальневосточного политехнического института



А. Стоценко.

Недавно как-то встретился я с Игорем Михайловичем Савченко. Он ведает промышленностью строительных материалов в нашем совнархозе. Закончив деловую беседу, мы разговорились о том о сем, пошли шутки, воспоминания.

— Помните, уважаемый начальник,— говорю,— как вы на лекциях мне каверзные вопросы задавали?

Савченко руками развел:

— Что вы, профессор! Я в институт мальчишкой пришел, преподавателей, как огня, боялся... Вы, наверное, меня с отцом моим путаете...

— В самом деле,— спохватился я,— виноват. Видно, память подвела...

Да, конечно, по части каверзных вопросов большой мастак Савченко-старший, Михаил Лукич, как, впрочем, и многие его однокашники. Тогда, в тридцать втором, в числе студентов было немало практиков — людей пожилых, опытных. Ну и, понятно, я — в ту пору начинающий педагог — не внушал им особого почтения. Вот и старались иной раз «подковырнуть».

Однако не ссорились мы в те времена. Дружим, находим общий язык и теперь, когда одновременно с профессурой в политехническом я руковожу научно-исследовательским институтом по строительству. А Савченки, кстати сказать, прямо-таки инженерная династия. Сын Игоря Михайловича и внук Михаила Лукича Виктор скоро тоже к нам в политехнический будет держать экзамены.

Вместе с ним готовятся к конкурсу тысячи юных приморцев, хабаровцев, амурцев, магаданцев, камчатцев, сибиряков. Из многих краев и областей съезжается летом во Владивосток молодежь — будущие кораблестроители, горняки, специалисты-рыбники, врачи, историки, химики, штурманы... Шесть вузов, в том числе университет, в нашем городе.

Огромны возможности для научной работы во Владивостоке, в Приморье. Я говорю это, основываясь и на собственном опыте и на опыте многих моих товарищей. Как это у Маяковского: «Твори, выдумывай, пробуй!» И что еще важно: ученые наши близки к практике, к реальной жизни.

Вот питомцы Дальневосточного

университета: Всеволод Тихонович Быков — профессор физической химии, председатель президиума Дальневосточного филиала Академии наук СССР. Его работы, помимо их теоретического значения, высокоценны для развития промышленности. Профессор Николай Евгеньевич Кабанов, ныне работающий в Москве, в Академии наук, одновременно руководит комплексным исследованием лесов Камчатки.

Юношей приехал на Дальний Восток и вырос здесь в крупнейшего энтомолога профессор Алексей Иванович Куренцов.

Добрую службу труженикам земли сослужила ученица Куренцова кандидат биологических наук Зинаида Григорьевна Онисимова. Вместе с китайскими и корейскими коллегами она разработала методы борьбы с совкой — опаснейшим вредителем кукурузы.

Рядовым инженером прибыл к нам из Москвы Михаил Геннадиевич Органов. Ныне он доктор геолого-минералогических наук. Это его отряд в комплексной Амурской экспедиции обнаружил много новых полезных ископаемых в сопредельных землях трех государств: СССР, КНР и КНДР.

Профессор Екатерина Александровна Радкевич — автор капитальной монографии «Металлогения Приморского края» — возглавляет недавно созданный институт геологии.

Молодыми техниками начинали работу в Тихоокеанском институте рыбного хозяйства и океанографии Александр Григорьевич Кагановский и Игорь Владимирович Кизеветтер. Теперь оба они профессора.

Скажу и о строителях. Сравнительно недавно, уже после войны, стал инженером и вскоре затем аспирантом Андрей Абрамович Цвид. Занялся он изучением наледей. Ведь у нас, и в Совгавани, и в Арсеньеве, и в Солнечном — всюду, где идут стройки, подземные воды, выходя на поверхность и замерзая, причиняют массу неприятностей. Диссертация Цвида на эту тему крепко помогла строителям.

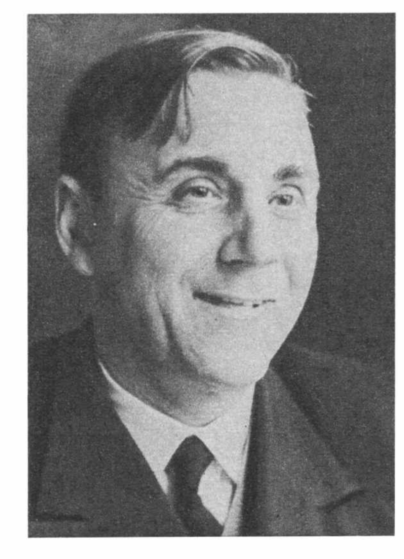
В каких только областях народного хозяйства не трудятся ученые Владивостока!

ОТЧИЙ ДОМ МОРЯКА

П. А. ПОЛЛЬ,
капитан дальнего плавания

Пожалуй, только в анкетах вспоминаю я о том, что родился на Украине, в Донбассе. Из пятидесяти трех лет жизни тридцать пять отданы морям Дальнего Востока. Побывал за эти годы и в тайфунах и в ледовых дрейфах. Но одним из самых памятных впечатлений осталась первая встреча с Владивостоком.

— Глянь, хлопцы, да это Ялта, только побольше! — говорили молодые черноморцы теплой летней ночью на палубе океанского парохода «Трансбалт». Пройдя залив Петра Великого и скалистый Русский остров, мы увидели несчетные электрические огни, россыпью поднимавшиеся от черной воды к черному небу. Очертания берегов Золотого Рога и впрямь напоминали хорошо знакомую ялтинскую гавань. Но ночные пейзажи обманчивы. Утром, когда нас поставили под выгрузку к Широкому молу, матросы «Трансбалта» — видавшие виды шутники-одесситы — разочарованно переглядывались.



П. Полль.

— Кто сказал за Ялту... Типичное не то...

Да, никакого сравнения с щеголеватым южным курортом не выдерживал тогдашний Владивосток. В самом центре города на портовом причале раскинулся базар — толкучка. За пару копеек, как говорится, вас угощали прямо с лотка и горячими щами, и сибирскими пельменями, и здешним рыбацким лакомством — трепангами. По дощатым трапам, положенным с борта на причал, потные, запыленные грузчики катили тачки с солью. Добрых две недели понадобилось им, чтобы опорожнить объемистые трюмы «Трансбалта».

Шагая по щербатым булыжным мостовым, мы встречали буквально на каждом шагу водоносов. Перекинув через плечо коромысла, они тащили тяжелые железные жбаны — бочки из-под керосина, наполненные водой. У колодцев на перекрестках улиц и во дворах тянулись очереди.

Так, на голодном пайке пресной воды, перебивались жители. А для судовых котлов, для нужд флота воду... импортировали. Да, да, возили танкерами из-за границы: из Японии и Кореи.

Страшно далек от Москвы был тогда русский, «нашенский» Владивосток... А Приморское и Охотское побережья, Сахалин и Камчатка и вовсе казались будто на других планетах.

Выходишь, бывало, в очередной рейс по Приморской или Охотской линии. В твиндеках — нары в два яруса — живет артель грузчиков. На палубе — кунгасы, катера-«петушки», целая вспомогательная флотилия. Придем в Александровск-Сахалинский или, скажем, в Охотск, станем на рейде, спустим всю эту армаду на воду, чтобы груз к берегу таскать мили за три, а то и за четыре. А заштормит или затянет все вокруг туманом, тогда шабаш работе, поднимай всю армаду на борт.

Самый обычный транспортный рейс, что называется, по расписанию, продолжался по нескольку месяцев. А уж если в «полярку» — на Чукотку или на Колыму,— тогда редко обойдешься без зимовки.

Суровой жизненной школой была для моряков служба на Тихом океане. Горжусь дипломом владивостокской мореходки, тем, что именно здесь вместе с сотнями товарищей прошел нелегкий путь от палубы до мостика, от матроса до капитана.

«Старые калоши», унаследованные от хозяйчиков, давно уже сданы на слом. Архаической древностью казались бы они ныне в сравнении с современным торговым флотом. Музейным экспонатом выглядела бы тачка рядом с портальными кранами, транспортерами, автопогрузчиками Владивостокского порта.

Работаю я теперь в морской инспекции капитаном-наставником. Всегда перед глазами у меня морские карты. В каждом квадрате, под всеми широтами и долготами мысленно вижу родной красный флажок. Где только не плавают наши суда! Из Японии в КНДР идет «Тобольск»; с Черного моря возвращается «Владивосток»; близ Чукотки ведет во льдах караван линейный ледокол «Адмирал Лазарев».

Порты Китая, Демократической Республики Вьетнам, Бирмы, Индии, Индонезии гостеприимно встречают наши транспортные суда. С 52 зарубежными странами поддерживает сообщение Дальневосточное пароходство.

А наши рыбаки, китобои — «морские пахари». И в виду заснеженных вулканов Камчатки, и у туманных Курил, и в теплых водах экватора трудятся они на океанской целине. Ведь более трети всего рыбного урожая страны дает наш Дальний Восток.

Для моряка Владивосток — отчий дом. Иной раз под вечер заберешься на сопку Орлиную, туда, где нынче телецентр. Всюду, куда хватает глаз, кварталы домов, зеленеющие скверы, парки. Вороненой сталью отливает под заходящим солнцем морская вода, в дымке теряются извивы береговой черты. Рядом гудит на ветру высоченная стальная мачта. И видится мне тогда наш город могучим кораблем, идущим сквозь бури времени.

СВОИ СОЧИ, СВОЯ ЕВПАТОРИЯ...

Ф. Ф. ФОМИН,
врач, начальник Дальневосточного территориального курортного управления профсоюзов

Владивосток принято ставить в один ряд с Одессой, Мурманском, Баку, Калининградом. Понятно, портовые города. И если я сравню наш город, скажем, с Сочи или Евпаторией, многие жители запада нашей страны, наверное, усмехнутся.

Но предоставим слово сибирякам. Вот что пишет из Улан-Удэ тамошняя жительница Александра Васильевна Утина:

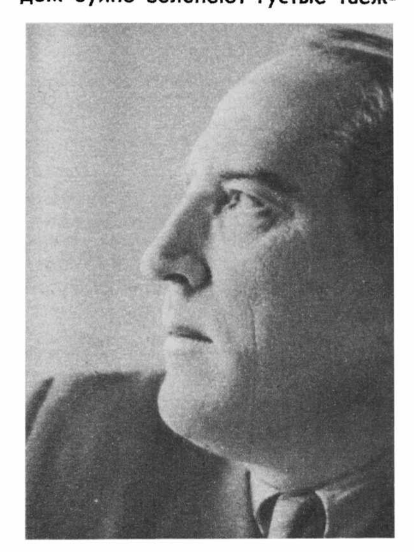
«Чудесно провела я свой прошлогодний отпуск в санатории «Амурский залив». Очень помогли мне морские ванны и грязелечение. Если сможете, посодействуйте, пожалуйста, приобрести путевку и на нынешний летний сезон».

Лежат в моем письменном столе благодарственные письма от сахалинцев, от жителей Находки. На курортах Владивостока встречались мне порой приезжие издалека, гости с целинных земель Алтая, из угольной Караганды.

Географически курорты наши соседствуют с городом, а административно даже входят в его состав, как, скажем, Рижское взморье в состав Риги или побережья Карельского перешейка в состав Ленинграда.

И при всем при этом климат на наших курортах иной, чем в городе, свой, особый микроклимат. Когда над Уссурийским заливом, над бухтой Золотой Рог висят тяжелые серые тучи, когда владивостокские улицы поливает нескончаемый дождь, в получасе езды на автобусе ярко светит солнце, в теплой морской воде купаются отдыхающие.

Золотится песок пляжей, а рядом буйно зеленеют густые таежные заросли по склонам крутых сопок.



Ф. Фомин.

Горный хребет Богатая Грива не только охраняет побережье Амурского залива от штормового дыхания океана, но придает особое, ни с чем не сравнимое своеобразие нашим курортам. Отойдите от асфальта шоссе, от санаторных корпусов в глубь леса, и вы очутитесь в девственной чаще.

Бодрит, освежает соленый, насыщенный озоном морской воздух. От многих болезней излечивают жемчужные, хвойные, радоновые, углекислые ванны на морской воде и целебные грязи, которые добывают со дна Амурского залива. Все виды физиотерапевтического лечения к услугам отдыхающих.

В наших санаториях и домах отдыха — Сад-Городе, Тихоокеанском, Седанке, «Амурском заливе» и других — каждый год отдыхает свыше пятидесяти тысяч человек. За последние три года владивостокская курортная зона увеличила свою пропускную способность почти в полтора раза.

Много новых здравниц, и в числе их детская — «Дальневосточный Артек»,— будет выстроено здесь за семилетку.

Страницы юности Александра Фадеева



По неопубликованным письмам

Около года назад завязалась у меня переписка с одним из друзей юного А. А. Фадеева — дальневосточником Григорием Хрисанфовичем Цапуриным, живущим сейчас в городе Миасс, Челябинской области.

Его дружба с Фадеевым началась в бурные дни 1917 года. Им было тогда по 16—17 лет. Г. Цапурин из рабочей семьи, брат известного на Дальнем Востоке комсомольского вожака Андрея Цапурина, член Союза рабочей молодежи Владивостока, созданного в августе 1917 года. Юный Фадеев, тогда еще ученик владивостокского коммерческого училища, был активистом другой организации владивостокской молодежи — Союза учащихся. Со своими ближайшими друзьями Билименко, Нерезовым, Бородкиным Фадеев возглавлял в союзе «левое», революционное крыло. Почти все его участники вскоре перешли в Союз рабочей молодежи (комсомол возник во Владивостоке несколько позднее).

«Как сейчас помню первую встречу с Фадеевым,— пишет Г. Цапурин.— Он был тогда в форменной куртке с желтыми пуговицами и форменной фуражке. Светлые волосы, подстриженные «ежиком», лицо почти всегда улыбающееся. Таким он мне запомнился по сей день».

Еще ближе они познакомились в работе над печатной газетой «Трибуна молодежи», которую издавал Союз рабочей молодежи. «Фадеев, по сравнению с нами, был гораздо более грамотным, и, кроме того, он уже имел кое-какой опыт в деле литературного творчества, т. к. в училище принимал активное участие в выпуске школьного журнала». С первых же дней появления в союзе Фадеев горячо взялся за выпуск газеты.

Штаб союза находился на квартире Цапуриных. Здесь, недалеко от главных ворот бывшего военноморского порта, в Петропавловских казармах, после работы, а по воскресеньям с утра и до вечера собиралась революционная молодежь, активисты союза. Здесь шли жаркие споры, политические дискуссии. Здесь зрела дружба, крепло товарищество будущих борцов за дело революции.

Друзья любили Фадеева, который в любой обстановке не унывал. «Он обладал,— рассказывает Цапурин,— недюжинной способностью забавлять окружающих. Его забавные и увлекательные рассказы, веселые шутки и остроты не давали возможности присутствующим скучать или впадать в уныние...» Он умел не только искусно рассказывать, шутить и петь песни, но и «выполнять любую работу, которая ему поручалась по линии Союза или партийным комитетом Владивостока».

Так продолжалось до июньского белогвардейско-чешского мятежа 1918 года, когда над Дальним Востоком нависла мрачная ночь белогвардейщины и интервенции.

Для революционной молодежи Дальнего Востока, руководимой большевиками (А. Фадеев вступил в партию именно в те дни), начался период подполья и партизанской борьбы.

Александру Фадееву так и не удалось окончить училище. Отложив тетради и учебники, заручившись в подполье подложными документами, вместе с верными друзьями семнадцатилетний Фадеев пробирается в Сучанскую долину, к партизанам. О переживаниях, связанных с приходом в партизанский отряд Сучана, Цапурин вспоминает: «Всего только два дня тому назад мы с оглядкой ходили по улицам Владивостока, в логове белогвардейцев и интервентов, рискуя быть схваченными агентами охранки, а тут совсем иной край, совсем иной воздух и обстановка. Это наш край! Советский!..» Началась новая полоса в жизни друзей — «партизанские университеты».

После гражданской войны жизнь разметала друзей в разные стороны. Один из них стал писателем, другой учился в Ленинградском институте механизации и электрификации сельского хозяйства. И вот спустя десяток лет друзья встретились вновь на вечере воспоминаний дальневосточных партизан и красногвардейцев в Ленинградской филармонии. Фадеев читал на том вечере отрывки из романа «Разгром».

С 1946 года между друзьями возникла переписка. С некоторыми из писем Фадеева я и хочу познакомить читателей. В 1947 году Цапурин сообщал Фадееву, что решил серьезно заняться литературной работой, так как писать ему «есть о чем», а «вот работа на производстве — сильно мешает». Вскоре пришел ответ.

...Я лично,— писал Фадеев,— опираясь на собственный опыт и на опыт других литераторов, как начинающих, так и «кончающих», не советовал бы тебе бросать работу и приниматься за литературные дела до тех пор, пока ты не напечатаешься и не только будешь уверен в собственных творческих силах, но и получишь общественное признание. Литературный труд обманчив: всякий пишущий человек, от самого маленького до самого крупного, не имеет представления о собственных способностях, часто склонен их преувеличивать, хотя и не менее часто переживает горькие муки сомнения.

Вот почему я просил тебя и раньше и прошу теперь — прислать мне все, написанное тобой. Я дам тебе подробный разбор твоих рукописей, можешь не сомневаться, ответ мой будет дружественным и прямодушным...

В том же письме Фадеев с горечью говорил об одном из их общих друзей — Федоре К., который совершил серьезные должностные проступки и был осужден: «Мне жаль, что так глупо и преступно сложилась биография этого талантливого человека. Мне это особенно тяжело, потому что, как ты знаешь, наша революционная юность проходила вместе, и я до сих пор благодарен вам, Цапуриным и тому же Федору с его друзьями-наборщиками за первую школу борьбы, пройденную вместе с рабочей молодежью».

В декабре 1947 года в центральной печати появились статьи, критиковавшие роман Фадеева «Молодая гвардия» главным образом за то, что в нем неверно показано партийное руководство молодежной организацией Краснодона. При встрече с писателем Цапурин много расспрашивал его о работе над романом, об отношении к критике романа. Позже Цапурин в письме к Фадееву высказал по поводу этого некоторые свои мысли и вскоре получил ответ, датированный 31 марта 1948 года:

Нельзя рассматривать мой роман «Молодая гвардия» только как описание действительных событий. Ведь в нем немало и выдумки. Поэтому вполне справедливы претензии наших старших товарищей-большевиков на то, что роль партии в романе недостаточно отражена. Партия в романе показана главным образом через Шульгу и Валько, которые плохо организовали подполье, провалились сами и провалили все дело. Конечно, такие случаи бывали. Но по опыту нашего подполья при Колчаке, ты сам знаешь, что большевики неплохие организаторы и этим побеждают. Поэтому, следовало бы в романе, получившем такое большое народное распространение, показать эту сильную сторону большевиков.

Вот я и собираюсь это сделать...

Два следующих письма Фадеева представляют большой интерес для понимания творческой лаборатории писателя. Он рассказывает в них о прототипах героев, о том, как вообще создается художественное произведение.

...Я, кажется, знавал твоего брата еще мальчиком. Я уже тебе говорил, что ваша семья Цапуриных была жизненным прообразом семьи Алексея Чуркина, выведенной мной в романе «Последний из удэге». Конечно, в романе, как и полагается, все наврано. Но если память мне не изменяет, мальчик Костя, самый младший брат Алексея Чуркина, которого по роману исключают из школы за то, что он отказался учить Закон Божий,— это мальчик, вернее, его образ, навеян мне рассказом твоим и Андрея, еще при Колчаке, о вашем маленьком братишке, который имел аналогичные школьные неприятности в то время.

(25 октября 1948 года).

...Как-то в Магнитогорске, где я собирал материал о металлургах, в театре после одного моего доклада, подошел ко мне паренек из института металлургов, оказавшийся сыном, насколько я понял, брата твоего Андрея. Спрашивает: «Правда ли, что вы в своем романе «Последний из удэге» описали моего отца?» Я говорю: «Нет, я вашего отца не описывал». Тут нахлынула разная публика, хотел я ему все по-настоящему растолковать, да он, видно, парень либо гордый, либо застенчивый, сразу от меня отошел, и больше я его не видел. Беда в том, что он, как многие, не понимает, что материал берется из жизни, но очень разный, и комбинируется, преобразовывается автором. Конечно, в изображении семейства Чуркиных в «Последнем из удэге» я очень многое взял по памяти от вашей семьи, семьи Цапуриных. Многие факты соответствуют тем, которые действительно имели место в вашей жизни, но многие мною вымышлены, придуманы или взяты из жизни других людей. По тому, как описано мною семейство Чуркиных, действительно, должно было бы получиться (для наивного представления), что старший из братьев Чуркиных — Алеша (Алеша Маленький) — это Андрей Цапурин. А на самом деле, я и по внешности и по характеру списал Алешу Маленького не с Андрея, а больше с Володи Шишкина (железнодорожника, если ты помнишь его?), которого в нашем подполье как раз звали «Володя маленький» — в отличие от Губельмана, у которого кличка была «дядя Володя» или «Володя большой». Таким образом, в показе семейства Чуркиных я скомбинировал материал жизни вашей семьи, жизни Володи Шишкина да еще многое придумал, сочинил от себя.

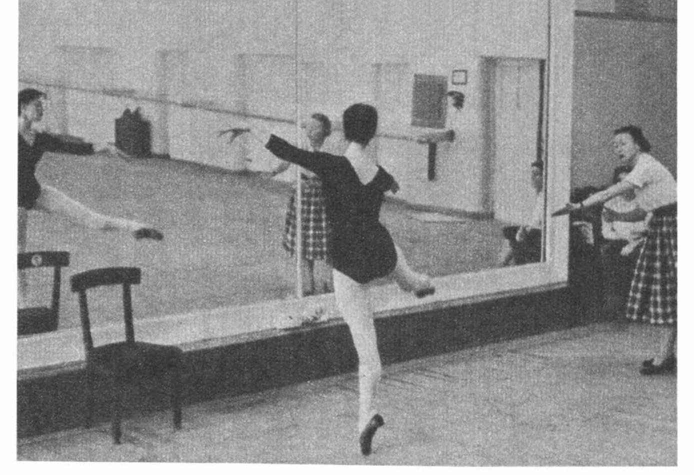
Если ты имеешь связь со своим племянником, объясни ему это, пожалуйста. Если он не с вами живет, напиши ему и перепиши соответствующую часть моего письма...

(28 октября 1955 года).

Это было последнее письмо Фадеева товарищу своей юности. Писатель вспоминал в нем о своих дорогих дальневосточниках, столь милых его сердцу, и горько сожалел о том, что из-за большой работы и болезни все реже и реже ему удавалось встречаться с ними и писать «друзьям,— тем, с кем так хочется общаться...»

С. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

Последний штрих...



Галина Сергеевна Уланова в новой «роли».



Катя все понимает с полуслова.



Костюм тоже имеет большое значение.

Счастливы

Любые, самые восторженные слова не могут выразить и малой доли очарования, которое охватывает вас, когда на сцене Галина Уланова.

В расцвете творческих сил и сценических успехов, знаменитая балерина передает свои знания молодежи.

Недавно в Большом театре в спектакле «Жизель» исполняла заглавную роль юная Катя Максимова.

Обычно, когда выступает молодая исполнительница, она делает упор на танцевальную сторону образа. Но у Максимовой удачно сочетаются танцевальная и сценическая стороны. И это, конечно, главная заслуга Галины Сергеевны Улановой.

Екатерина Максимова обладает хорошими природными данными. Кроме того, она умеет серьезно, вдумчиво заниматься. Она быстро схватывает и воспринимает замечания, которые получает в процессе работы. Ее Жизель достаточно самобытна и своеобразна, хотя в партии иногда и проскальзывают интонации Улановой. Но это не копирование и не слепое подражание.

Максимова сумела передать и трагедийные черты образа, ибо Галина Сергеевна подарила своей ученице ключ от одного из лучших созданий мировой балетной сцены.

Молодая балерина в первом акте легко справилась



Катя уверенно проводит второй акт.



Максимова-Жизель в полете.



Большую радость доставила Катя своей учительнице.

Аплодисменты предназначались и Галине Сергеевне →

со всеми техническими трудностями. Удалась Максимовой труднейшая сцена сумасшествия...

Дирижер Ю. Файер и партнер Максимовой Ю. Жданов немало способствовали ее успеху. Когда закрылся занавес, зрители наградили молодую исполнительницу Жизели дружными аплодисментами. Немалая часть их, конечно, предназначалась Галине Сергеевне Улановой, испытавшей в этот театральный вечер светлую творческую радость педагога. И обе были бесконечно счастливы!

Заслуженный артист РСФСР и УССР
В. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

Фото Е. УМНОВА.

ОБЕ!..

> *«Но как бы ни была ночь темна, всегда приходит рассвет... На Кубе долгое время подвизался ставленник американского империализма Батиста... Но поднялся народ, появились герои, истинные сыны народа подняли Кубу на борьбу против поработителей и изгнали этого агента американского империализма, создали свое правительство во главе с пламенным патриотом Фиделем Кастро, который проводит политику в интересах кубинского народа».*
>
> *Н. С. ХРУЩЕВ.*

Генрих БОРОВИК,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора.

Это не историческое исследование. И даже не попытка дать более или менее полную картину кубинской революции. Это просто эпизоды многолетней борьбы кубинского народа. Автор прошел по еще свежим следам революции и старался восстановить по рассказам участников событий, очевидцев, по документам и фотографиям, изданным и неизданным дневникам, по газетным репортажам поразительные страницы самоновейшей истории маленького острова, ставшего в последнее время таким большим и значительным.

Восемьдесят два — в океане

Мексиканский пограничник, стоявший на часах в порту Тукспан в ночь с 24 на 25 ноября 1956 года, имел предосудительную привычку ругаться вслух. Поеживаясь от скользких капелек, затекавших за ворот черного клеенчатого плаща, он бормотал проклятия дождю, своему начальнику, который дул сейчас текилью в баре «Три семерки», опостылевшей пограничной службе, тяжелому карабину, сырым башмакам, снова дождю и снова начальнику. Может быть, именно это обстоятельство помешало ему услышать, как всего метрах в двухстах от него густо заурчала вода и от мексиканского берега отошла небольшая бело-коричневая шхуна с потушенными огнями. Она взяла курс в открытое море, хотя по причине сильного шторма портовые власти запретили выход из бухты всем судам такого класса.

Наверное, весьма удивился бы пограничник, узнай он, что на борту небольшого прогулочного суденышка под названием «Гранма» находились восемьдесят два человека, оружие, мешки с обмундированием, ящики с боеприпасами, что «прогулочный» маршрут шхуны должен был пройти по Мексиканскому заливу, проливу Юкатан, Карибскому морю и закончиться в заливе Гуаканаябо, где-то на юго-восточном побережье Кубы.

И пока солдат в сырых башмаках продолжал бормотать ругательства, шхуна незамеченной миновала сторожевые посты и вышла в Мексиканский залив, сразу же подставив свои борта могучим ударам огромных теплых волн Гольфстрима.

Прежде чем погрузиться на шхуну, восемьдесят два человека прошли серьезное обучение. Их двадцатидевятилетний командир Фидель Кастро и шестидесятитрехлетний инструктор одноглазый романтик генерал Байо, участник гражданской войны в Испании, подготовили людей к большой борьбе. Но ни Фидель Кастро, находившийся на шхуне, ни Байо, оставшийся в Мексике, не могли научить их, как бороться с морской болезнью. И перед отвратительным бессилием, которое вызывает качка, оказались безоружными почти все участники экспедиции. Цепляясь за что попало, люди желали лишь одного — не оказаться за бортом.

Среди них был врач, высокий, плечистый аргентинец Эрнесто Гевара, прозванный своими товарищами «Че» — по-аргентински что-то вроде «Эй, симпатяга», «Эй, хороший парень». Он пытался разыскать запасенные им таблетки драмамина. Но в кромешной тьме, когда волны то и дело перекатывались через палубу, это было нелегким делом.

Так прошли ночь, утро, весь следующий день и еще одна ночь.

Только на второе утро, вдоволь поиграв с беззащитной шхуной, океан стих. И половина людей на шхуне, усталых, голодных, промокших, измученных, погрузилась в сон. Половина — потому, что на перегруженной шхуне длиной в двадцать метров могли с грехом пополам прилечь только сорок человек. Остальные должны были стоять.

Сорок спали вповалку. Сорок других чистили оружие, покрывшееся после шторма белым соленым налетом.

На четвертый день плавания, по расчетам капитана «Гранмы» Роке, судно должно было находиться в сутках хода от берегов провинции Ориенте, на востоке Кубы. Там, недалеко от города Мансанильо, на рассвете 30 ноября шхуну должны были ждать несколько грузовиков под командой крестьянина Крессенсио Переса, чтобы бросить отряд в бой против гарнизона города Мансанильо. В то же утро 30 ноября должно было начаться восстание в городе Сантьяго де Куба под руководством Франка Паиса.

Но еще днем 29 ноября раздался удивленный голос капитана шхуны Роке:

— Куба!

Вдали виднелись еле уловимые очертания берега. Было странно, что тихоходная яхта добралась до цели на полсуток раньше, чем предполагалось. Может быть, это не Куба?

Люди всполошились. Все бросились к левому борту — смотреть.

Нет, то была Куба! Но не восточная, а западная часть острова — оконечность мыса Гуанакабибе. Яхта только еще проходила Юкатанский пролив... Двухдневный шторм, видно, сыграл с экспедицией скверную шутку.

Это значило, что до берега Ориенте еще двое с половиной суток пути. Это значило, что высадка, назначенная на 30 ноября, не состоится, грузовики будут ждать повстанцев впустую, а выступление Франка Паиса в Сантьяго будет бесполезным. Это значило, наконец, что тщательно разработанный план восстания срывается из-за проклятого океана, который сейчас так ласково стелется за бортом.

Ночь над Сантьяго

Сантьяго де Куба ложится спать рано, гораздо раньше, чем Гавана. Часа в два ночи его улицы уже пусты, и все кафе, за исключением портовых кабачков и бар-клубов в нижней части города, закрыты.

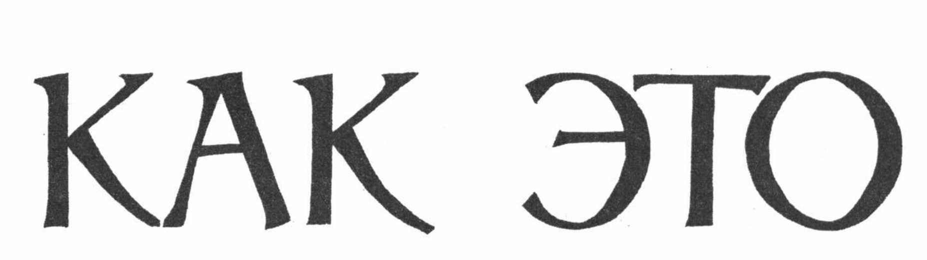
Ночь с 29 на 30 ноября 1956 года ничем не отличалась от других. После двенадцати люди разбрелись по домам, покинули Сентрал-парк мальчишки-чистильщики, унося в руках свои измазанные гуталином деревянные ящики, закрылся под старинным католическим собором на центральной площади сверкающий стеклом магазинчик «Кодак», где из-под прилавка торгуют порнографическими открытками, опустела веранда отеля «Каса Гранда», и только около «Мужского клуба» сидели на тротуаре в плетеных креслах одетые в черные вечерние костюмы старики, страдающие бессонницей, и сплетничали. Месяц висел в небе гамаком, накрепко привязанный к двум гвоздикам-звездам.

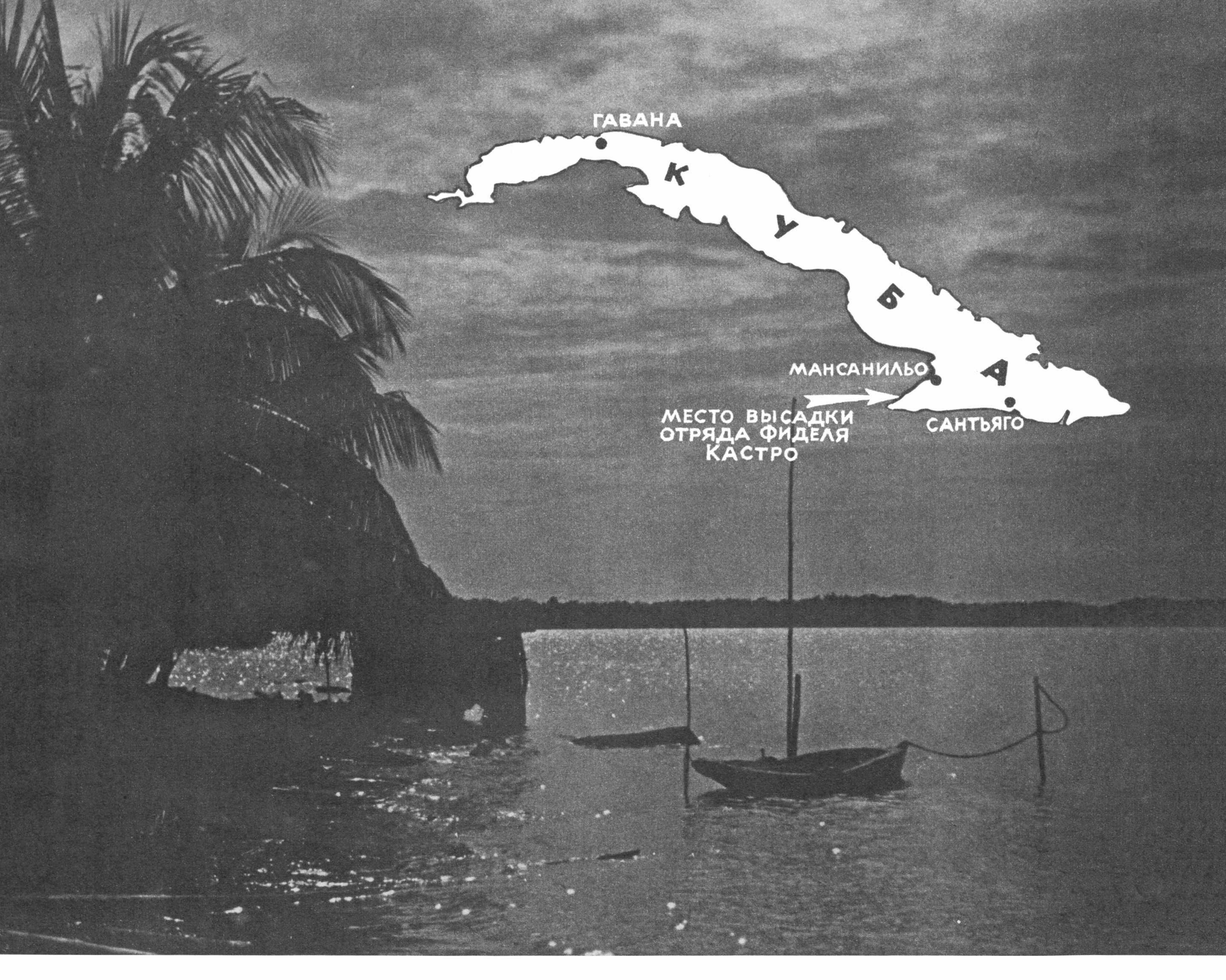
Но спокойствие ночного города было внешним. В доме, где жила студентка Вильма Эспин, группа молодых людей окружила маленький диктофон «Грюндих», купленный в магазине «Кодак», и прослушивала только что записанные на пленку слова. Голос из диктофона утверждал, что режим Батисты в Сантьяго де Куба рухнул и город безраздельно находится в руках революционных повстанцев, возглавляемых здесь Франком Паисом, что в минуты, когда идет эта радиопередача, Фидель Кастро во главе вооруженной колонны, высадившейся сегодня рано утром в Ориенте, уже напал на гарнизон города Мансанильо. «Таким образом,— продолжал голос с ленты,— два крупнейших опорных пункта кровавого диктатора Батисты в провинции Ориенте пали, и она фактически находится под контролем революционных сил... Успешные восстания против режима Батисты произошли также в Гаване, Санта-Кларе, Матансасе, Камагуэе и других городах». О ходе этих выступлений голос с ленты обещал сообщить позже.

Один из молодых людей, одетый в спортивную замшевую куртку, выключил диктофон и осторожно закрыл крышку.

— Франк,— обратилась к нему Вильма,— а не изменить ли текст насчет восстания в других городах? Ведь это еще неизвестно.

— Нет, Вильма, пусть так,— ответил Франк Паис и отдал пленку одному из друзей.— Ты передашь это по радио часов в одиннадцать утра,— сказал Франк ему,— когда перестрелка уже стихнет, все будет в наших руках. А теперь иди... И еще... Тебе по пути, зайди, пожалуйста, к моей матери, скажи, чтобы не волновалась... Я сегодня не приду...





Паис посмотрел на часы.

— Уже четыре. Фидель, наверное, высаживается. Ну, кажется, все... Пора расходиться.

Все встали. Франк улыбнулся.

— Полной удачи! — сказал он.— И чтобы тебе, Вильма, с твоими медсестрами как можно меньше было днем работы...

...Вильма быстро шла по пустынным улицам ночного города; до пяти надо было успеть в тот дом, где ждет ее медицинская группа — двадцать девушек-революционерок. В шесть начнется восстание.

Вильма Эспин давно знала Франка Паиса, еще с 1953 года, когда он был руководителем студенческого союза в Сантьяго де Куба. Франк тогда не имел никакой четкой программы действий. Просто чутьем настоящего патриота он понимал, что предстоит борьба. Когда начнется она и как будет проходить, Франк не знал. Он просто начал создавать молодежные «группы действия» и запасать кое-какое оружие. Вильма по просьбе Франка организовывала тогда несколько вечерних школ для неграмотных.

Но борьба началась раньше, чем они предполагали. 26 июля 1953 года полторы сотни вооруженных молодых людей во главе с двадцатишестилетним адвокатом Фиделем Кастро напали в Сантьяго на военные казармы Монкада, чтобы захватить их, затем город и отсюда начать борьбу за освобождение Кубы от диктатуры Батисты.

Но атака революционеров кончилась разгромом. Почти все они были захвачены в плен, в том числе Фидель с братом Раулем, который младше его на пять лет.

Это восстание произвело на Франка Паиса и его друзей огромное впечатление. Значит, помимо их группы, есть еще революционные отряды решительных борцов за свободу.

На суде, устроенном над революционерами, прокурор задал вопрос Фиделю Кастро: «Кто подстрекал вас к выступлению?» И получил ответ: «Хосе Марти». Гневную, обличительную речь Фиделя на суде передавали из уст в уста по всей Кубе. В этой речи Фидель нарисовал программу революции, принципы которой провозгласил еще Хосе Марти, борец за независимость Кубы в XIX веке: засучив рукава, произвести хирургическую операцию, чтобы уничтожить все препятствия, мешающие развитию родины, и обеспечить ее сынам справедливую жизнь.

Фидель, Рауль и их друзья были посажены в тюрьму на острове Пинос, известном всему миру по роману Стивенсона «Остров сокровищ». Эта тюрьма стала для Фиделя Кастро вторым университетом, который дал ему, наверное, больше, чем первый, гаванский.

В 1954 году во время «свободных, открытых, честных выборов» президента Кубы тысячи кубинцев написали на избирательных бюллетенях имя Фиделя Кастро. Но по кубинским законам эти голоса не принимались в счет.

В ночь перед выборами на стене казармы Монкада в Сантьяго появились полуметровой высоты слова: «Свободу Фиделю Кастро!». Это была работа Франка Паиса. Но такие же слова были написаны в ту ночь и на асфальте широкой набережной Гаваны, в Санта-Клара, Камагуэе. Здесь Паис был ни при чем. Фиделя, видно, поддерживала вся страна.

Президентом Кубы снова был

БЫЛО НА КУБЕ

«избран» Фульхенсио Батиста. Его главный советник Гонзало Гуэлл подал президенту-диктатору мысль — амнистировать политических заключенных, «ибо Фидель в тюрьме как символ борьбы,— говорил он,— опаснее, чем Фидель на свободе, просто как гражданин Кубы, помилованный президентом».

15 мая 1955 года Фидель, его брат Рауль Кастро и другие участники нападения на Монкада вышли из тюрьмы на «острове сокровищ».

Когда поезд, в котором находился Фидель, шел в Гавану, на станциях собирались сотни людей. В столице Кубы студенты устроили тысячную приветственную демонстрацию.

Фульхенсио Батиста, наблюдая из президентского дворца за праздничной Гаваной, мучился мыслью: не поспешил ли он послушаться рекомендации своего главного советника?..

Затем Фидель и Рауль уехали в Мексику...

Вильма Эспин в конце 1955 года поехала в США, в Массачусетс, продолжать образование. Перед ее отъездом Франк туманно намекнул девушке, что в Мексике готовится «кое-что важное для Кубы».

В Массачусетсе до нее доходили слухи, что Фидель ведет переговоры с кубинцами, эмигрировавшими в разное время из своей страны и живущими в США и Мексике.

Среди латиноамериканских студентов в Массачусетсе с восторгом передавали друг другу историю о том, как в Майами, в здании театра Флеглера, что в нижнем городе, Фидель произнес великолепную речь перед собравшимися в зале кубинцами. Фидель был там вместе с сыном — девятилетним Фиделито. После речи начался сбор денег на нужды революции. Скоро шапки, полные ассигнаций, были положены на стол, за которым сидели Фидель и его сын. Мальчик протянул руку и взял из одной шапки десятидолларовую бумажку. Фидель покачал головой, положил бумажку обратно и сказал: «Нет, сынок, эти деньги принадлежат кубинскому народу». Притихший зал, следивший за Фиделем, разразился восторженными рукоплесканиями. И снова шапки пошли по кругу...

В июле 1956 года, перед самым возвращением на Кубу, Вильма получила из Мексики письмо с просьбой остановиться на два дня в Мехико, чтобы перевезти коечто на родину.

На аэродроме ее встретили два человека. Один — плотный, высокий, с прямым носом, прямыми, без излома, бровями над черными глазами. Другой — небольшого роста, щуплый, почти мальчик, но со спокойным и внимательным, чуть насмешливым взглядом. Они совершенно не походили друг на друга, хоть и были родными братьями. Фидель и Рауль Кастро повезли ее в какой-то дом, принадлежавший мексиканской чете. Там она оставила свои вещи. Затем братья снова посадили Вильму в машину и повезли еще в несколько домов. Они показали ей тщательно спрятанное оружие.

— Это произойдет еще в нынешнем году,— сказал Фидель.— Обязательно в нынешнем году.

Вильма не ожидала увидеть так много и не могла не заразиться энтузиазмом Фиделя. Но ее тревожила мысль: не рано ли собирается предпринять Фидель свой поход? Действительно ли так сильно и организованно «Движение 26 июля», как об этом докладывали Фиделю Кастро?

Но Фидель доказывал, что дело не только в организации. Условия для революции созрели. Ненависть народа к Батисте и латифундистам, к засилью американских монополий давно уже лишилась слез. Она суха, как порох. Достаточно искры, чтобы раздался взрыв, который сметет режим диктатуры. Нужна группа людей, которая начала бы вооруженную борьбу. Это — главное звено революции в данный момент. Никакие слова не поднимут народ, пока не начнется вооруженная борьба. И несколько десятков человек, которые высадятся на Кубе, чтобы идти в бой, уже через несколько месяцев обрастут сотнями крестьян, рабочих, интеллигентов...

Фидель вручил Вильме несколько запечатанных конвертов для передачи их разным людям на Кубе, в том числе и Франку Паису.

Ее снова провожали двое. В окошко она видела, как братья смотрели на самолет, о чем-то разговаривая. Фидель стоял, по привычке склонив набок большую голову, будто прислушивался к чему-то. Взревели моторы. Фидель помахал рукой. Рауль взглянул на брата и тоже помахал, чуть сдержаннее...

С тех пор прошло пять месяцев. И вот два дня назад Франк Паис получил известие, что Фидель высадится около Мансанильо сегодня, 30 ноября, на рассвете.

...Восстание началось ровно в шесть. К одиннадцати утра группа действия Франка Паиса захватила здание полиции, военно-морские казармы, телеграф, радиостанцию... Все шло по плану, правда, не удалось взять казармы Монкада. Но не это беспокоило Франка Паиса. Он ждал подтверждения о высадке Фиделя. Подтверждения не было. Радио Мансанильо передавало фокстроты... Прошел еще час, еще час и снова час. Вестей о Фиделе не было.

К вечеру наСантьяго были брошены войска Батисты... Франк отдал приказ: не принимая боя, рассредоточиться, спрятаться и постараться всеми силами сохранить оружие и медикаменты... Теперь он был рад, что дежурный по радиостанции, услышав выстрелы на улице, испугался и, не передав запись по радио, сжег пленку о высадке Фиделя...

Высадка

...Только на седьмую ночь после того, как шхуна покинула причал в мексиканском порту Тукспан, экспедиция приближалась к берегам провинции Орьенте.

Море снова было неспокойным, но теперь это радовало повстанцев: меньше было шансов, что их услышат при высадке. Шхуна снова шла с потушенными огнями.

Капитан Роке стоял на крыше рулевой рубки, опираясь на коротгую радиомачту, и, подавшись вперед, пристально всматривался в темноту, готовый ежесекундно крикнуть: «Берег!»

Неожиданно большая волна накренила яхту, и Роке, оступившись, упал в воду.

Фидель Кастро приказал немедленно остановить мотор. Все бросились к борту. Но в кромешной тьме ничего не было видно.

На крики со шхуны никто не отзывался. Фидель приказал зажечь прожектор. Это было рискованно. Но иного выхода не было. Прожектор светил всего несколько мгновений и погас: кончился бензин в движке. К счастью, за эти несколько мгновений они увидели далеко в волнах голову Роке.

Наконец капитан шхуны был поднят на борт. Но экспедиционеры потеряли пятьдесят минут! Драгоценные пятьдесят минут!

Прошел еще час, прежде чем люди, стоявшие на носу шхуны, различили темный силуэт берега.

С остановленным мотором шхуна двигалась к черной полосе побережья. Вот она, родина! К возвращению сюда они готовились долгие месяцы на чужбине. Ни огонька, ни малейшего знака, по которому можно определить, где, в каком месте происходит высадка. Как встретит их земля? Не сбились ли снова с курса? Не ждет ли их засада? Не заметили ли со сторожевого катера луч прожектора? Десятки вопросов, тысячи беспокойных мыслей...

Наконец киль задел о песчаное дно. Шхуна остановилась. Сразу несколько человек по команде спрыгнуло в воду. Раздались приглушенные возгласы:

— Здесь глубоко!.. По горло... Осторожно... Как переносить оружие?..

Со шхуны на берег протянули четыре каната. Держась за них, люди проходили на берег. Надо было спешить. До рассвета оставались считанные минуты, и береговая охрана,—возможно, она совсем близко— может заметить их.

Держа винтовки высоко над собой, гуськом, как индейцы на военной тропе, восемьдесят два человека перебрались на берег, перенеся на себе все возможное со шхуны.

Берег был покрыт кустарником. В нескольких метрах от воды стояли деревья...

...В один из прохладных дней февраля 1960 года я нанял маленький рыбачий ботик в приморской деревушке Белик в заливе Гуаканаябо и попросил двух рыбаков отвезти меня к месту высадки шхуны «Гранма». Море было относительно спокойно, и через час пути ботик подошел к низкой береговой полосе, густо поросшей невысоким кустарником. Растения подходили к самой воде, и это означало, что дно здесь глубокое. Я спрыгнул в воду — она дошла мне до горла.

Схватившись руками за листья, я забрался на берег. Парни в боте с интересом наблюдали за мной.

— Осторожней,— сказал один из них.— Провалитесь.

Я сделал несколько шагов. Каемка густого кустарника кончилась, и за ней тянулась серая, будто обтянутая старым, потрескавшимся куском кожи земля. Я ступил на нее ногой, и кожа оказалась тонкой, хрупкой коркой. Нога ушла по колено в теплую грязь. Я оперся другой ногой на кочку и снова провалился. Теперь я был в грязи по пояс и медленно погружался глубже.

Один из парней поспешил на помощь. Он бросил мне конец каната. Я обвязал себя под мышками и, цепляясь руками за скользкие ветки кустов, с трудом выбрался на твердую землю.

— Я говорил же, осторожней!— пробурчал парень, складывая канат.

Я посмотрел вокруг. Серая предательская корка, насколько хватало глаз, тянулась в глубь острова и вдоль побережья. Местами из нее торчали пни без коры, будто голые.

— Как же они шли?!—спросил я.

Парень свистнул.

— На руках.

— На руках?!

— Ну да, тут были деревья. Сейчас крестьяне их повырубили. Будут осушать болото... А то от него было много болезней. Они, как мартышки, двигались: на руках с ветки на ветку...

...Первый из революционеров, кто, пройдя кусты, ступил под деревья, провалился по пояс в теплую, не успевшую остыть за ночь грязь... Болото!..

Зеленой ящерицей раскинулся остров Куба в Карибском море. На тысячи километров тянется его извилистая береговая линия, украшенная причудливыми коралловыми ожерельями. Но, пожалуй, нигде на всем кубинском побережье нет места более дикого и неприступного. Непроходимое, глубокое болото подходит здесь к самому морю, отделяясь от него лишь узкой полосой кустарника.

Стало ясно, что шхуна все-таки сбилась с курса. Подвели приборы.

Искать более удобное место для высадки было поздно: на востоке, там, за горами Сьерра-Маэстра, небо уже начало светлеть и звезды линяли, всасывая в себя темноту ночи...

Был единственный способ пройти через болото — цепляться за ветви деревьев. Но кто знает, на сколько километров тянется предательская серая корка и достаточно ли деревьев?

Надо было бросить все «лишнее», а ведь из Мексики на шхуне везли только самое-самое необходимое.

Фидель приказал оставить на побережье оба противотанковых ружья, лишнюю одежду, одеяла, вещевые мешки. Взять с собой только личное оружие, винтовки, боеприпасы к ним и канаты.

Измученные семидневным голодным плаванием, восемьдесят два человека начали медленный, изнурительный поход по болоту. Цепляясь за ветки, раздирая ладони в кровь, протягивая канаты от дерева к дереву, ежеминутно проваливаясь и ежеминутно останавливаясь, чтобы вытащить товарищей из трясины, израненные и оборванные, они, как привидения, трагически медленно двигались на восток, где уже показался краешек желтого диска, возвещавший о рождении нового дня и новой опасности для них.

Прошел час. Еще час. Три часа. Солнце уже поднялось довольно высоко. По твердой земле за это время они могли сделать километров 20. По болоту они про-



ФИДЕЛЬ КАСТРО.

Фото Г. Боровика.

← Гавана.

шли... 300 метров. Это значило — 75 метров в час, немногим больше одного метра в минуту.

— Земля! — раздался наконец чей-то радостный возглас.

Не веря себе, все еще опасаясь, что это проклятое болото не кончилось, люди ощупывали землю. Твердую землю!

И тут сзади, за болотом, раздались выстрелы. Один... другой... третий... Потом залп, автоматная очередь, снова залп...

Шхуна — их друг — теперь, превратившись в невольного доносчика, сделала свое дело. Ее заметил сторожевой катер. Осторожно приблизившись к безмолвному суденышку, солдаты Батисты открыли по нему огонь. Видя, что ответа нет, они поднялись на борт. Среди вещей на палубе был найден небольшой водонепроницаемый пакет, в которых обычно носят детские вещи. На нем было вышито: «Фиделито Кастро» — имя сына Фиделя.

По радио с катера немедленно доложили о случившемся начальству... От начальства поступил приказ — догнать. И солдаты сошли на берег...

...Через несколько часов крестьянин Крессенсио Перес, который позапрошлую ночь ждал Фиделя и его друзей в условленном месте с грузовиками, слушал радиопередачу из Гаваны. Батистовский диктор, прервав программу, сообщил, что «сегодня утром на побережье провинции Ориенте, в районе деревни Белик, высадилась группа наемных бандитов во главе с государственным преступником Фиделем Кастро. Доблестные войска президента Фульхенсио Батисты достойно встретили иноземных пришельцев. В жестоком бою на побережье Кастро и его сорок два приспешника убиты. Остальные взяты в плен или разбежались в панике»...

Перес был поражен услышанным. Но что хуже всего, он поверил диктору. Провал! Полный провал всех планов. «Значит, нет смысла идти на поиски высадившихся», — думал крестьянин. И он остался дома с женой и одиннадцатью детьми.

Трагедия в „Радости Пио"

Куба — равнинная страна. Можно изъездить и исходить весь остров, и перед глазами будет ровная земля. И только на крайнем юго-востоке, в провинции Ориенте, поверхность вздыблена горами, будто кто-то огромной рукой сгреб все горы острова к берегу, собираясь сбросить их в море, да так и не сбросил. Горы не очень высокие, полторы-две тысячи метров, но причудливо изрезанные глубокими ущельями; крутые склоны покрыты лесами — даже на вездеходном муле не поднимешься. Только пешком. Горы эти носят название Сьерра-Маэстра. Здесь не было военных гарнизонов, и никакой танк не смог бы осилить почти отвесные склоны.

В направлении к Сьерре и шли измученные, голодные, страдавшие от жажды люди Фиделя Кастро, не зная точно направления, жуя листья деревьев и остатки витаминных таблеток, которые чудом уцелели у «начальника здравоохранения» Эрнесто Гевара.

Над лесом часто пролетали самолеты, стреляя из пулеметов. Но, вероятнее всего, люди под деревьями оставались незамеченными. Они ни разу не встретили батистовских солдат.

Утром 5 декабря отряд остановился в маленькой ложбинке, со всех сторон окруженной густыми зарослями сахарного тростника. Впервые за эти дни они попали на сахарную плантацию. Огромные, в два человеческих роста растения, выкинувшие вверх пушистые гордые султаны, вызвали чувство, будто они наконец действительно попали домой. Люди не могли удержаться, чтобы не попробовать с детства знакомый каждому кубинцу сок. Они жевали пористые, прессующиеся во рту палочки и высасывали сладкую прохладную влагу.

Было решено сделать здесь первый большой привал: выспаться, почистить оружие, хоть немного привести в порядок изорвавшуюся, грязную одежду.

Настроение людей поднялось. Послышались шутки, смех.

Несколько раз Фидель призывал к тишине. Люди на минуту умолкали, потом снова начинались разговоры. Особенно громки голоса были со стороны роты арьергарда.

— Кто разговаривал?! — Фидель неожиданно вырос перед ними.

Нет ответа.

— Кто разговаривал, я спрашиваю? Назовите имя!

Пауза.

— Командир роты!

— Я, — ответил Рауль Кастро, брат Фиделя.

— Вы отстранены. Пусть примет командование ротой второй офицер.

Этот решительный диалог, слышанный всем отрядом, сразу возымел действие. Установилась тишина. Через некоторое время к Фиделю пришел Хуан Альмейда — негр, командир центральной роты. Он просил не смещать Рауля, так как он, Альмейда, разговаривал в тот момент громче. О Рауле просили и другие солдаты. Фидель изменил решение, ограничившись выговором.

Люди удобно расположились в ложбинке, они спали, чистили оружие, грызли тростник, курили, писали, просто лежали на земле.

В конце концов еще далеко не все потеряно. Главное, что все были живы, изнурены, но здоровы. Они доберутся до гор... А что до оружия и боеприпасов, брошенных при высадке, так они добудут их в первом же бою.

И никто из них не знал, что первый бой начнется очень скоро и результаты его будут трагическими для восьмидесяти двух...

Первый выстрел раздался в 4 часа дня. И через минуту тростниковое поле, по иронии судьбы носившее название Алегриа де Пио — «Радость Пио», — превратилось в ад. Первый регулярный полк батистовской армии в полном составе наступал на окруженных, попавших в ловушку революционеров. Кто-то донес, выдал Батисте место привала Фиделя и его друзей.

Первым погиб от пули врага Умберто Ламот. Выстрел, раздавшийся из зарослей тростника, ранил в грудь аргентинского врача Эрнесто Гевара. Рубашка его стала красной от крови. Вывалилась винтовка из рук гаванского студента Рауля Суареса: пуля раздробила ему кисть.

Разделившись на маленькие группы, повстанцы начали отходить в разные стороны. Принять бой значило обречь себя на гибель. Надо было скрыться в тростнике и дождаться ночи. Но тут началось самое страшное. Послышался глухой треск, и в воздухе запахло дымом. Тростник горел. Огромная багрово-желтая стена огня, гонимая ветром, двигалась на повстанцев...

...Всего несколько человек из восьмидесяти двух были убиты в тот трагический день на сахарных полях Алегриа де Пио. Но девятнадцать сгорели заживо. Несколько мелких групп, наткнувшись на засады, попали в плен и были расстреляны. Убиты были и раненые, найденные на поле боя.

Батиста в Гаване праздновал победу...

Оставшиеся в живых после трагедии в Алегриа де Пио пятнадцать человек разрозненными группами двигались в сторону гор...

Из дневника Че Гевара

«...С Альмейдой во главе мы сдерживали натиск и отходили, пока не скрылись в густом лесу; шли до тех пор, пока абсолютная тьма, среди которой неразличимы были даже звезды, не задержала нас, хотя мы были уже недалеко от места встречи. Спали вповалку. Потеряно было все снаряжение, кроме оружия и двух фляжек, которые несли Альмейда и я. Мы шли девять дней, безмерно страдая от голода, который принуждал нас жевать траву или сырую кукурузу... Вести были плохие и воодушевляющие в то же время; к сообщениям о творящихся вокруг нас преступлениях добавилось обнадеживающее: Фидель был жив.

...Приблизительно через пятнадцать дней после катастрофы объединились все оставшиеся в живых из числа восьмидесяти двух человек с «Гранмы». Подсчет жертв был долгим и скорбным. Длинный список все пополнялся новыми именами из числа тех, кто самоотверженно выполнил клятву Фиделя: «В 1956 году мы будем свободными или умрем как мученики». Теперь всего лишь на пятнадцать оставшихся человек под командованием Фиделя Кастро легла ответственность поднять знамя восстания и воплотить в жизнь... первую часть этой клятвы: «Будем свободными...» Мы должны были добиться этого в честь тех, которые погибли здесь, и в честь погибавших изо дня в день по всей Кубе в кровавых застенках от пыток или безжалостно убитых. Это казалось фантастическим, но, тем не менее, в нашем маленьком отряде... говорили о победе, о наступлении.

Все мы ощущали преданность и любовь крестьян этого района; нас всегда хорошо принимали и переправляли дальше, используя сложную подпольную связь, от места освобождения вплоть до сборного пункта в доме брата Крессенсио Переса. Но больше всех верил в народ Фидель Кастро, к этому времени он уже продемонстрировал свои исключительные качества руководителя. Уже в те долгие ночи (наша деятельность прекращалась с заходом солнца) под кустами какого-нибудь леса мы занимались проектированием всевозможных планов, относящихся к настоящему периоду, к ближайшему будущему или к периоду после победы. Это были счастливые дни, когда после длительного перерыва мы впервые с наслаждением закуривали (я начал курить, чтобы избавиться от довольно агрессивных здесь москитов, и таким образом научился ценить аромат кубинского табака) и строили головокружительные планы на будущее.

Проходили дни, и понемногу наш отряд стал увеличиваться. Первые крестьяне, приходившие к нам, иногда были безоружны, иногда же приносили оружие, которое наши товарищи хранили у друзей или вынуждены были бросить при бегстве из тростниковых зарослей. Наше маленькое войско располагало лишь 22 винтовками, когда через полтора месяца после высадки, 17 января 1957 года, атаковало Ла-Плату. Эта атака вселила в Кубу надежду на возрождение; все заговорили о сражениях в Сьерра-Маэстре, хотя это были незначительные стычки патрулей. Мы захватили вражеский пост, состоявший из двенадцати — пятнадцати человек, которые сдались после часа боя (в то время час сражения был сопряжен с ужасными страданиями). Затем мы попали в трудное положение из-за одного предателя, проникшего в наши ряды и выдавшего противнику наши позиции; три раза мы были на грани уничтожения. (Этому субъекту было лично поручено убить Фиделя. Однажды ночью он спал с ним под одним одеялом с пистолетом за поясом, но не посмел его убить, предпочтя более легкий путь: он покинул лагерь под каким-то предлогом и привел отряды противника к месту, где мы находились. При четвертой гнусной попытке нас предать он был раскрыт и казнен, не успев причинить нам большого вреда.)

...В середине марта к нам уже примкнула группа людей, посланных из Сантьяго Франком Паисом, которые придали революции новый характер.

Оружие, принесенное вновь прибывшими, не было многочисленным, но, тем не менее, усилило наш отряд. И мы решили выступить в новые районы; мы совершили первовосхождение на пик Туркино, самую высокую гору Кубы, оставив там памятную записку, затем пустились в тяжелые переходы по всему массиву Сьерра-Маэстры и наконец достигли окрестностей Пино-дель-Агуа-и-Бабун»...

Продолжение следует.

←
На месте, где когда-то стояли батистовские казармы Монкада, теперь построен школьный городок.

Сергей СМИРНОВ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

„ВНОВЬ Я ПОСЕТИЛ“...

Моему отцу
Василию Иовичу СМИРНОВУ

* * *

Вот я опять хожу под небом Ялты,
Стою на черноморском берегу.
И где-то здесь
давным-давно
стоял ты...

Но где? —
Никак представить не могу.

Шумит платан.
Быть может, он — тот самый,
Где ты, отец, в давнишние года
Бывал с моей
почти забытой мамой,
И рядом с вами пенилась вода?

Я мысленно беседую с домами,
Брожу по тротуарам дотемна,—
Как будто сын
приехал в гости к маме
И не находит:
Где же тут она?..

* * *

Идет девчонка
кралей златовласой.
А сеть ресниц подчеркнуто черна.
Глядит
с какой-то импортной гримасой
На группу отдыхающих она.
Дымит отменно тонкой сигаретой.
Сдувает легкий пепел, как пыльцу.
И невдомек приморской крале этой,
Что юности
все это
не к лицу.

* * *



Среди кустов
садовник занят делом.
Державный вид.
Спокойное чело.
С кривым ножом, от сока запотелым,
Он, как Чапаев,— с саблей наголо.
Обычная,
естественная поза.
Движенья рук обдуманно скупы.
И, чтоб на ветках
распустились розы,
Он поливает даже и шипы.



* * *











О море,
заходи в стихотворенье,
Шуми волнами с ветром пополам!
Ты, как душа,
не терпишь засоренья
И на песок
Выбрасываешь хлам.

Сиянье солнца меркнет в час вечерний.
Под утро гаснет око маяка.
Зато
у моря
столько волн в резерве,
Что их с избытком хватит на века...
Тебе,
как правде,
не нужны прикрасы.
Ты спишь, во мгле волнами шевеля.
И лик луны,
И лава лунной трассы,
И в лунной лаве —
профиль корабля,
И валуны в блестящих лунных латах,
И силуэты скал,—
как буквы «эл»,—
Все это
поэтичней
вместе взятых
Поэм и сказок,
Песен и новелл.

* * *

Еще свое лирическое соло
Не завершил
таврический петух,
Еще маяк подмигивает с мола,
Еще на рейде бакен не потух,
Еще вверху —
у черта на куличках —
Виднеется дежурная звезда...
А тут
проснулась птичка-невеличка
И рвет в саду
травинку
для гнезда.

* * *

На фоне пальм,
у пенного прибоя,
С утра до поздней западной зари
Работают,
довольные собою,
Маэстро — одиночки-кустари.

У каждого — по фотоаппарату
И прочий немудрящий реквизит.
За твердо установленную плату
Маэстро
тут же
вас изобразит.

Ни выдумки, ни взлета, ни горенья —
Одно и то же, сколько ни глазей:
Ассортимент —
на уровне творений,
Входящих
В «Литгазетский Литмузей».

* * *

Над Черным морем
светлые участки.
Ни прежних меж.
Ни каменных оград.
Подобно скромным карликам из сказки,
Карабкается в горы виноград.
Худое,
узловатое творенье.
Его стволы согбенно полегли,
Как будто
вознамерились
коренья
Взглянуть
На белый свет
Из-под земли.
Но за обманной слабостью
застыла,
И зреет,
И становится верней
Настырных почек
взрывчатая сила
С глубинной хваткой подлинных корней.
И после многих
непременных тягот,
На солнцепеке матово горя,
Нальются гроздья
пальцевидных ягод
И обретут
Прозрачность янтаря.

* * *

Среди легенд сегодняшнего Крыма
Мне по душе
легенда о цветах.
Цветут цветы —
Цветут необозримо! —
Под рокот волн и пенье певчих птах.

Они пестреют плотными гуртами
И одержимы
штурмом высоты...
Но рядом с благородными цветами
Толпятся
ядовитые цветы.

И утверждает местная легенда,
Что эта
ядовитая орда
Растет на черной крови интервентов,
Убитых здесь в тяжелые года.
А где соленым пòтом оросили
Мы землю несказáнной красоты,—
Тут,
на манер светильников России,
Возникли благородные цветы.

Они венчают каменные взгорья,
Каскады скал и горную гряду.
Они теснят
и сбрасывают в море
Чужую
Ядовитую орду.

* * *

Ударил гром, и замерло движенье.
А глубь небес
чиста и высока.
Быть может, новый вид вооруженья
Испытывают здесь погранвойска?

Нет!
Просто взрывы громыхают разом.
Дробятся скалы вдоль и поперек.
Где трудно лазать даже скалолазам,
Там
строят трассу
мастера дорог.

* * *

Дубовый лес.
И очень даже странно,
С чего
на дубе
зелень не своя?
Вокруг него, лесного ветерана,
Обвился плющ,
как серая змея.

Зазеленел махиной темноликой,
По каждой ветке двинулся вперед
И стал неограниченным владыкой
Неоценимых
солнечных щедрот...
Нет,
мы таких
в покое не оставим!
И, больше аргументов не ища,
Я погружаю
жало острой стали
В кольцо змееподобного плюща.

Он корчится и рвется по частицам.
Его витки слабеют под рукой...
Ох, не легко
и дубу
очутиться
В плену
Консолидации такой!..

* * *



Есть что-то
от характера пилотов
У крымских шоферов, когда они
Сигналят на опасных поворотах
И мчатся так,
что — боже, сохрани!..

Летишь,
И все летит тебе навстречу:
Дома, сады, как ряд медовых сот,
И славящие доблесть человечью
Подковы
севастопольских высот,

И обелиски над Сапун-горою,
И грозный флот, стоящий тут не зря,
И новый образ
города-героя,
Где я услышал
Залпы Октября.



* * *

Да разве это улица Морская?
Я жил когда-то
на Большой Морской.
Она теперь сугубо не такая,
Какой была...
Весь город не такой.

Он
заменил
расстрелянные стены.
Он заровнял на теле каждый шрам
Он подставляет грудь
послевоенным
С воды и суши дующим ветрам.

Беспечно вьются ласточки-касатки.
Повсюду
новых зданий торжество.
Но где же тут
хоть малые остатки,
Хоть отголоски детства моего?

Где отчий дом?
Где пыльные стропила?
Где крыша с голубиною страдой?..
Десница века
их не окропила
Своей живой и мертвою водой.

Такого дома нет. Да я и сам-то
Забыл его приметы неспроста
И жадными глазами экскурсанта
Смотрю
на легендарные места.

* * *



Я в панораме...
Тут
не стала
тылом
История. А наш экскурсовод,
Под стать иным критическим светилам,
Событиями прошлого живет.

Ему бы
думать
и о нашем веке,
Где страсти и события кипят.
Но он,
как в постаревшей картотеке,
Копается, зевая от цитат,
Заученно играет именами,
Не напрягая сердца и ума,
И как бы крутит,
крутит перед нами
Пластинку говорящего письма.

* * *

Стар Херсонес.
Пусты его подвалы.
Безлюдны белостенные дома.
Бродяга-ветер бродит где попало.
В колодцах дремлют
пыль да полутьма.

Тут много тайн хранит любая малость.
Тут письмена классически просты.
Тут
на пласты культур
напластовались
Не менее наглядные пласты.

На всем —
следы военной колесницы,
Следы добра, поверженного злом.
И все звучит,
как грустная страница,
Как медленная песня о былом.

* * *

Не позабыть сегодняшней детали:
Еще на склонах гор полутемно,
А ввысь,
куда орлы не залетали,
Вонзилось наше авиазвено.
И видит солнце,
как легко и просто
Ведется спор под реактивный вой
С разбуженной,
бездонной,
белохвостой
Извечно
Заорлиной синевой.

* * *



Лишилось небо ясности весенней.
Старательно
столпились облака.
Простерся дождь, как занавес на сцене,
И занавесил вышку маяка.

Летит на кипарисовые кущи,
На кручи гор, подвластные лесам.
Я восклицаю:
— Дождик-дождик,
пуще!..

И дождик льет
И рад, наверно, сам,
Что он — соратник месяца апреля,
Что все дождинки — наши и ничьи,
Что в честь его
взлетают птичьи трели
И в лукоморье
Гонятся ручьи.

* * *

Олимп,
в конечном счете,
это «липа»,
Наивный плод старинного пера.
Но тут
реальней всякого Олимпа
Стоит у моря
Каждая гора.

Тут отдыхают тучи-недотроги.
И на седой жилплощади скалы
Живут не древнегреческие боги,
А наши
богоравные орлы.

Они глядят в распахнутые дали.
У них в глазах
не только горный край,—
Они живого Пушкина видали,
Когда поэт скакал в Бахчисарай...

Пылает мак на сглаженных окопах.
И на постах,
под музыку реки,
Маячат горы в партизанских тропах,
Как в пулеметных лентах моряки.

* * *

Спасибо, Юг,
за море,
за цветенье!
Ты мне апрельский отдых даровал.
И снова
нежелательные тени
Уходят за далекий перевал.
И возле сердца голуби присели.
И Крепость Дружбы —
избранно строга.
И, как мишени в снайперском прицеле,
Видны
любые происки
врага.

* * *

И я с листком обратного билета
Твержу, как старожил приморских зон:
— Пускай в Крыму
царят
весна и лето
И благодатный бархатный сезон!



Пускай гуляет публика под ручку.
И пусть под сенью ялтинских лиан
Витийствует
с девчонкой в узких брючках
Бесперспективно старый донжуан!



Я рад всему:
Что дремлется в качалке,
Что бродит сила
в малом
и в большом,
Что скоро
всесоюзные русалки
Полезут в море чуть ни нагишом,
Что хлынет солнце празднично и зримо,
И лунный свет —
во много тысяч ватт...
И я готов
обнять
краcóты Крыма,
Да жаль, что Крым чуть-чуть
великоват.

* * *





Критически настроенный читатель
Прочтет стихи и скажет:
— Вот те на!
Пейзажи «расподроблены» некстати,
А современность
не отражена.

Моя вина тем более досадна,
Что я продегустировать успел
Бокал хмельной продукции «Массандра»,
А виноделов
так и не воспел.

Но человек приехал из России
На краткий срок...
И в окруженьи скал
Он размечтался, может быть, впервые,
И даже одиночества искал.

И грусть воспоминаний непочатых
Плыла,
плыла, как лодка без весла,
И чуточку минорный отпечаток
В лирические отзвуки внесла.

Апрель — май 1960.



...Дрожит стрелка спидометра на отметке далеко за сто. Но вот финиш, и мы спрашиваем победителя мотоциклетной гонки, что он чувствовал на долгой дистанции, стараясь обогнать время.

— Не помню,— отвечает заслуженный мастер спорта Н. Севостьянов.— Знаю твердо одно: был спокоен. Человек, который не умеет держать свои нервы в кулаке, не должен садиться в седло мотоцикла.

В мире больш



Скорость!.. В борьбе спортсмена с временем, вероятно, никогда не будет сказано последнего слова.

В стремительном движении вперед сама романтика спорта. И вот она перед нами, скорость! Мотоциклист. Велогонщик. Наездник... Что роднит их всех? Любовь к большим скоростям, умение «выжимать» их на трудной дистанции.

В сущности говоря, перед нами своеобразное «седельное» троеборье. Тут вполне могла бы возникнуть мысль о создании нового комплексного спорта. Но мы не берем на себя инициативу в этом сложном вопросе. Нет, мы просто хотели воспользоваться благоприятным стечением обстоятельств. Почти одновременно состоялись большие соревнования на мотоциклетной кольцевой трассе в Таллине, на велотреке и на дорожке ипподрома — в Москве. И вот наши фотокорреспонденты задались целью передать на страницах «Огонька» самую суть стремительного движения в спорте, жизнь в мире больших скоростей.

Для того чтобы вести борьбу и побеждать на таких скоростях, необходима большая физическая закалка, огромная воля, несокрушимое самообладание. И везде: на асфальтовом кольце, на бетонном овале, на дорожке ипподрома — борьба требует от спортсменов мгновенных и вместе с тем абсолютно точных решений, тактической мудрости и простой человеческой храбрости.

→

Эти колхозные спортсмены и замечательные их скакуны держали экзамен на дорожке столичного ипподрома. Суметь умножить свою волю на скорость коня — значит победить!

их скоростей

Матч Бельгия — СССР. Скорость и тактика в командной гонке принесли победу советским велосипедистам.

Фото Е. УМНОВА и А. БОЧИНИНА.

РАССКАЗЫ О НОВЫХ НАУКАХ

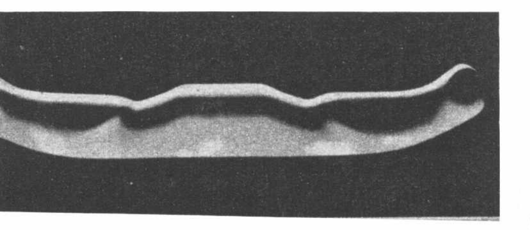


МОЗОЛИ, НАСТРОЕНИЕ И ЭСТЕТИКА

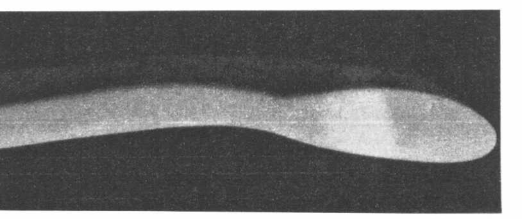
Доктор Петр ТУЧНЫ (Прага)

Фото О. Кнорринга.

Это было на самой заре развития человеческого общества. Наш далекий предок взял в руку камень для охоты на мамонта. Потом этим камнем он захотел выбить в скале ямку для костра. Но грубый камень было неудобно держать в руке, и он обточил его другим камнем, сделав два небольших углубления для пальцев...



Я вспомнил об этой седой древности, как ни странно, потому, что работаю в области одной из самых молодых наук. Называется она технической эстетикой.



Такими рукоятками инструментов удобнее работать.

Техническая эстетика—наука социализма. Это наука об освобожденном, красивом, по-настоящему творческом труде, сам процесс которого полезен и приятен человеку.

Технология каждого вида труда, физиология труда, психология человека, экономика, эстетика, история, археология — далеко не полный перечень научных дисциплин, на изучении которых зиждется эта наука.

Выйдите ранним утром на улицы вашего города. Солнечный луч только-только шагнул на крыши домов. В воздухе еще чувствуется ночная прохлада, но улицы уже постепенно начинают заполнять люди. Они спешат на работу.

Давайте пойдем следом и незаметно встанем рядом с ними у рабочего места. А я буду вашим гидом, ибо почти двадцать лет своей жизни отдал изучению этой науки.

...Молодой человек работает в слесарной мастерской. Рубанок, молоток, пила десятки раз за день побывают в его руках. И каждый раз круглая, тяжелая рукоятка молотка или другого инструмента оставит на его ладонях незаметный, но неумолимый след. Паренек работает в мастерской всего три года, но руки его уже огрубели, появились мозоли — извечный признак физического труда. Даже если у этого рабочего тонкий музыкальный слух и он учился играть на скрипке, ему делается все труднее и труднее удержать в загрубевших пальцах тонкий смычок.

Все знают, что хорошим и удобным инструментом больше наработаешь. Высокая техника тоже не обходится без ручных приспособлений. Огромное значение имеет технология и расчет сверла, но не меньшее значение имеет и инженерия рукоятки инструмента, рукоятки, которую легко и удобно держать в руках, которая никогда не натрет мозолей.

Тем, как создавать легкие в работе, удобные рукоятки инструментов, занимается хиротехника — одна из отраслей технической эстетики.

...Гладильный цех швейной фабрики. В цехе всегда жарко, хотя хорошо работает вентиляция. От жары особенно устают рабочие. Но, оказывается, справиться с жарой отлично может помочь... цвет. Да, да, не удивляйтесь! Если стены и столы в цехе выкрасить синеватой краской и люстры зальют все помещение таким же холодным светом, в цехе сразу «похолодает». Термометр, правда, будет показывать ту же температуру, но рабочим покажется, что в цехе стало прохладнее, что легче работать, и они меньше устанут.

Комплексное световое оформление — одна из первейших задач технической эстетики.

...А эти два друга работают на машиностроительном заводе у конвейера. Работа их несколько монотонна, однообразна. Сначала работается легко, но часа через полтора они начинают уставать, появляется желание встряхнуться, отвлечься, размяться. Вдобавок стены и машины в цехе покрашены скучным серым цветом. Он еще больше усугубляет чувство усталости.

Как помочь рабочим в таком цехе?

Прежде всего давайте выкрасим стены в яркие, чистые цвета. На стены повесим картины, на специальные полочки возле окон поставим живые цветы, аквариум с рыбками. И рабочим сразу станет работать и легче и веселее.

Почему? Оказывается, яркие стены, картины, цветы и аквариум выполнят роль так называемых компенсаторных пунктов. Они подействуют на высшую нервную систему рабочего возбуждающе, освежат его сознание, компенсируют усталость.

При другом виде работы, например, требующем полной сосредоточенности и напряженного внимания, яркие стены и цветы лишь отвлекут рабочего, помешают ему сосредоточиться, подействуют возбуждающе на и без того возбужденные нервы.

На рабочего влияет и архитектура станка или автомата, возле которого он работает. Представьте себе огромный зал, сверху донизу заставленный стеллажами с толстыми книгами. Заниматься в такой комнате тяжело, кажется, будто стеллажи хотят придавить человека, пригнуть его к земле. Чувство, подобное этому, испытывает рабочий около огромного, тяжелого механизма. И гораздо легче и приятнее работать у этой же машины, если она так искусно выкрашена, что кажется легкой и изящной.

Так красота сливается с целесообразностью.

Вот видите теперь, что на здоровье рабочего, на его настроение и нервную систему, на производительность труда влияет целый ряд причин: и инструменты, и цвет стен, и свет, и конструкция станков. Главная задача технической эстетики — добиться, чтобы работу, которую мы сегодня делаем за 8 часов, завтра делать за 6, а уставать при этом гораздо меньше.

В основу всей жизни положен труд. Повышение производительности труда — основа нашей экономики. Это — все возрастающее национальное богатство стран, строящих социализм. Это укороченный рабочий день...

Два года назад в Праге при Экономическом институте был создан специальный отдел технической эстетики. Я им руковожу. В нем работают инженер, технолог, медик, экономист, архитектор — люди самых разных профессий.

Техническая эстетика уже внесла немалый вклад в культуру рабочей обстановки на многих заводах. В городе Стара-Тура на заводе точной механики недавно закончено комплексное световое оформление. Ведутся работы на металлургическом комбинате в Остраве. В Чехословакии начинается и серийный выпуск некоторых инструментов, рукоятки которых сделаны с учетом новых требований.

Но время не ждет. Поэтому мы включаем техническую эстетику как научную теорию в программы специальных школ и училищ.

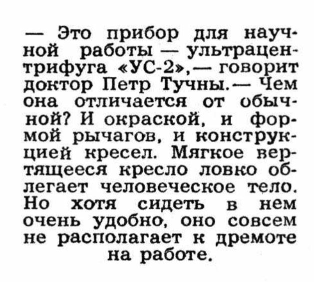
И уже совсем близок день, когда при проектировании нового завода предметом серьезного изучения, а может быть, даже дискуссий, будет цвет пола и стен каждого цеха, когда мы услышим разговор о «мелодичности» фрезерного станка.

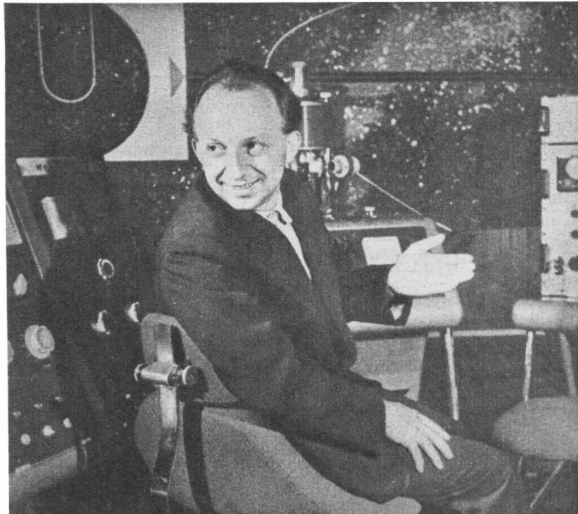
Каждый новый день, каждый новый автомат, пришедший на завод, ставит свои требования перед нашей наукой.

Словом, предугадывать трудно, да сейчас и не нужно. Надо работать над проблемами, уже поставленными жизнью. А их немало. Возьмем хотя бы акустику. Эта отрасль технической эстетики изучена меньше всего.

Нелегко работать в цехе под лязг и шум станков, когда от их движения земля ходит под ногами... Много профессиональных болезней происходит от вибрации. Сейчас на очереди стоит задача так расставить машины, чтобы сотрясение при их движении взаимно уничтожалось, чтобы шум их сливался в единый ритм, напоминающий музыку.

Откладывать ее решение нельзя.





— Это прибор для научной работы — ультрацентрифуга «УС-2»,— говорит доктор Петр Тучны.— Чем она отличается от обычной? И окраской, и формой рычагов, и конструкцией кресел. Мягкое вертящееся кресло ловко облегает человеческое тело. Но хотя сидеть в нем очень удобно, оно совсем не располагает к дремоте на работе.

Полстолетия назад

В. ВЛАДИМИРОВ

Стареют новости, стареют и журналы. А когда-то в поисках этих сенсаций армия репортеров носилась по всему свету. Быть может, и нам будет кое-что интересно из того, что печаталось тогда, а теперь погребено в пыли книжных хранилищ?

Давайте посмотрим. 1910 год. Полстолетия тому назад. Глазам открывается забытый мир: смелые авиаторы, поднявшиеся на головокружительную высоту в... 120 метров, отчаянные автомобилисты, пустившиеся в рискованный пробег на... 800 километров, собачьи упряжки на пути к Южному полюсу и, конечно, вереницы королей и принцев, титулованных невест и женихов на парадах, приемах и званых обедах.

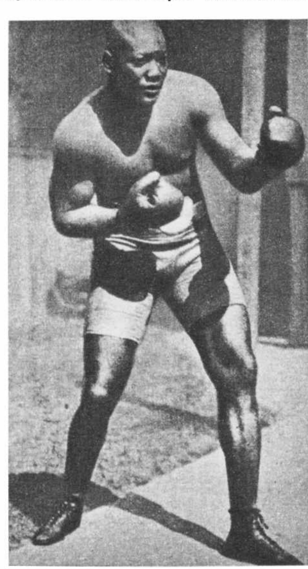
Но неспокойно было на этих обедах и приемах. Волна забастовок и стачек прокатилась по всем странам. На старом фотоснимке вы видите, как закончилась стачка в Барселоне: испанские жандармы отправляют в тюрьму рабочих.



В 1908 году звание чемпиона Америки в тяжелом весе нежданно-негаданно занял негр. «Стопроцентные американцы», конечно, не могли с этим примириться. По их мнению, чемпионом США мог быть только белый. Поэтому Джеку Джонсону было предложено помериться силами с бывшей «звездой» американского ринга Джемсом Джеффрисом, который в свое время носил кличку «тарана». Встреча была назначена в городе Рено, штата Невада. Американские газеты вопили, что этот матч будет «реваншем белой расы». Джеффриса чествовали заранее. Были запланированы ночной парад с факелами и сожжение чучела негра. В назначенный день, 4 июля (день независимости США), вокруг ринга собралось 20 тысяч зрителей. Общая сумма заключенных пари перевалила за миллион долларов.

Матч начался в 2 часа 45 минут, а в 3 часа 40 минут «таран» Джеффрис был нокаутирован. В течение долгих 55 минут негр Джонсон молотил противника под истошный вой и улюлюканье зрителей. Когда судья поднял руку победителя, на ринг полетели тухлые яйца и арбузные корки. Затем раздался револьверный выстрел. Знакомым с трудом удалось вывести победителя из здания, чтобы спасти его от мести «стопроцентных янки». Через несколько часов он тайно покинул Рено и отправил матери условную телеграмму: «Мама, везу ветчину домой», — что означало: «Здоров. Деньги получил. Еду домой».

Но «стопроцентные» не могли успокоиться. В Рено произошел погром: 14 негров было убито, несколько десятков ранено. В Нью-Йорке толпа расистов атаковала негритянский район Гарлем. В Вашингтоне был убит один негр и 236 ранено.



Фотография боксера Джека Джонсона была помещена в прессе почти всех стран мира. Его матч с Джеффрисом привлек всеобщее внимание.



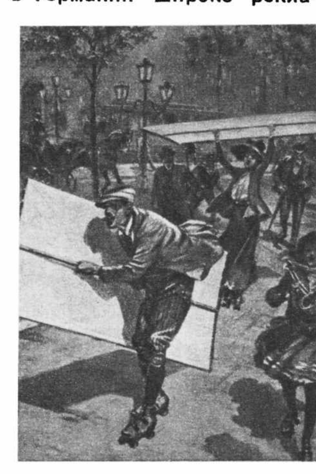
Посмотрим другой журнал. Он сообщает: дамские юбки становятся устрашающе узки, а шляпы начинают походить на клумбы. «Обладательницы узких юбок настолько стеснены в своих движениях, что могут передвигаться только самыми маленькими шажками, и походка таких женщин напоминает бег в мешках. Устроители праздника в одном из городов Франции включили в программу дня бег на скорость среди обладательниц узких юбок».

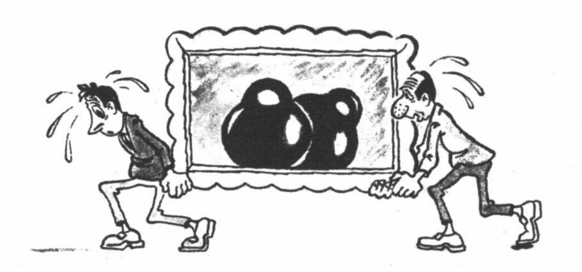
Перенесемся в Германию. Диковинно выглядит новая немецкая пушка, изготовленная на заводах Круппа.



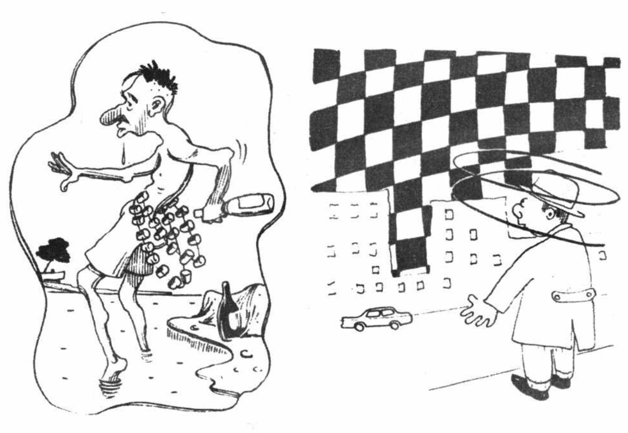
Подпись под фото гласит: «Новый крупповский бомбомет на боевой позиции. Круглый снаряд, торчащий из дула орудия, взрываясь, наполняет воздух ядовитыми газами, убивающими человека». Сомнительно, чтобы читатели того времени знали слова «иприт» и «фосген». Они познакомились с этими словами позже, быть может, даже испытали их действие на себе. А пятьдесят лет назад они безразлично посмотрели на фото.

А чтобы отвлечь внимание от готовящейся войны, в Германии широко рекламировали новый вид спорта — «на роликовых коньках под парусами». Один из журналов писал: «В Берлине и его пригородах большинство улиц заасфальтировано, что дает любителям катания на роликовых коньках соблазнительную возможность, которой они не преминули воспользоваться. За последнее время вошло в моду катание под парусами. Как только поднимается легкий ветерок, конькобежцы устремляются вперед и мы порой можем наблюдать, как они ловко и умело маневрируют среди пешеходов».





Натюрморт с гирями.
Рисунок А. Волкова.



Пробковый пояс.
Рисунок И. Оффенгендена.

После напряженного турнира.
Рисунок Л. Альтмарка.



Летний дождик.
Рисунок М. Ушаца.



Автор кинокомедии: — Хотя бы одного рассмешить...
Рисунок С. Титова.

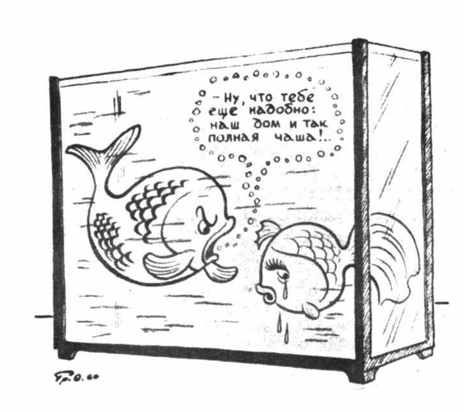


Рисунок Гр. Оганова.



ПЕРВАЯ МАРКА

Сто двадцать лет назад в Англии была выпущена первая почтовая марка. До ее появления письма пересылались со специальными курьерами, что было доступно только учреждениям, фирмам и богатым людям. Всем остальным приходилось пользоваться оказией.

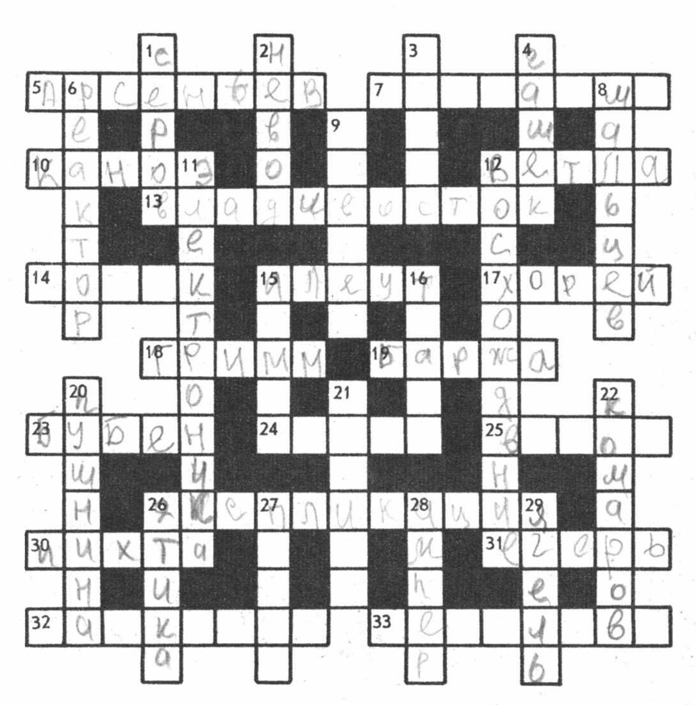
Исследователи еще не пришли к единому мнению, кто является изобретателем первой почтовой марки. Долгое время «отцом» марки считали крупного почтового чиновника Лондона Роланда Гилля, написавшего в 1837 году брошюру о реформе почтовой службы. Другие полагали, что честь этого изобретения принадлежит английскому книготорговцу Джемсу Чальмерсу, еще в 1834 году предложившему наклеивать на письма специальные этикетки небольшого размера. Вполне вероятно, что предложение Чальмерса было практически осуществлено Роландом Гиллем.

Здесь приводится одна из первых английских марок.

Б. ШАФЕР



КРОССВОРД



По горизонтали:

5. Исследователь Дальнего Востока. 7. Приток Иртыша. 10. Спортивная лодка. 12. Разновидность ивы. 13. Порт на Тихом океане. 14. Старинная единица счета. 15. Китобойная флотилия. 17. Стихотворный размер. 18. Немецкие филологи, авторы детских сказок. 19. Грузовое судно. 23. Ударный музыкальный инструмент. 24. Своеобразный рельеф местности. 25. Артист Московского художественного театра. 26. Текст, поясняющий условные обозначения на картах. 30. Хвойное дерево. 31. Охотник-профессионал. 32. Легкая шелковистая ткань. 33. Литовский поэт.

По вертикали:

1. Русский композитор и музыкальный критик. 2. Рыболовная снасть. 3. Молочный продукт. 4. Чешский писатель-сатирик. 6. Атомный котел. 8. Ученый, разработавший новую систему возделывания почвы. 9. Художник-передвижник. 11. Раздел физики. 12. Подъем на гору. 15. Территориальная единица в Монгольской Народной Республике. 16. Дорога. 20. Сырье для меховых изделий. 21. Горнопромышленное предприятие. 22. Советский ботаник, академик. 26. Правила поведения. 27. Овощное растение. 28. Единица силы тока. 29. Олений мох.

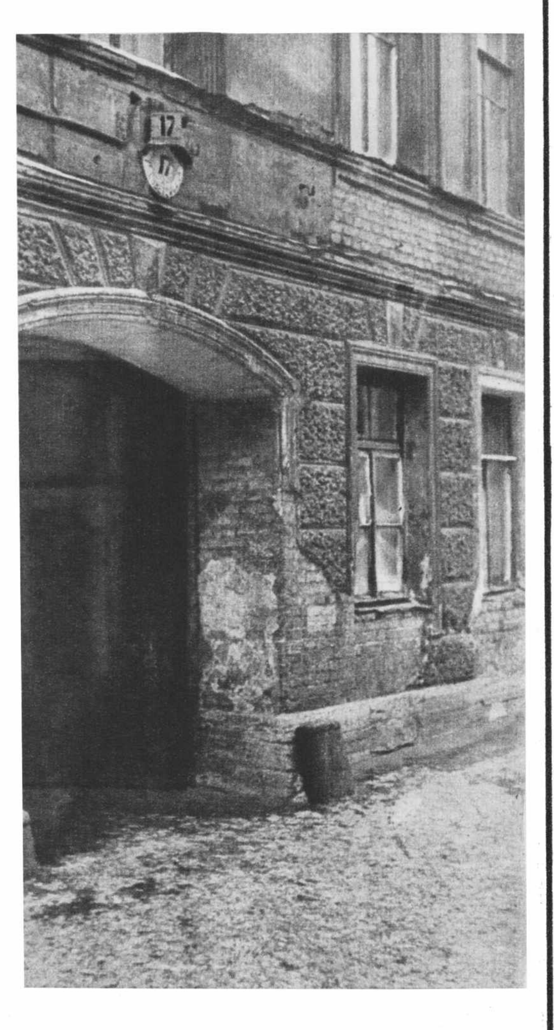
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 26

По горизонтали:

5. Гладиолус. 8. Барсова. 9. Спираль. 10. «Соть». 11. Насреддин. 15. Плот. 17. Романс. 18. Секанс. 19. Олимпиада. 20. Ласкер. 22. Дельта. 24. «Цирк». 25. Гватемала. 28. Кета. 29. Лимузин. 31. Кадриль. 32. Циклотрон.

По вертикали:

1. Глюкоза. 2. Удача. 3. Колас. 4. Кутаиси. 6. Калька. 7. Хлопок. 10. Стрелец. 11. Носорог. 12. Скрипка. 13. Делагоа. 14. Насадка. 16. Тоскана. 21. Кеклик. 23. Лекало. 26. Везувий. 27. «Ледоход». 30. Нерль. 31. Каюта.



Здесь жила Войнич

В одном из воспоминаний писательницы Войнич, опубликованном в книжке Е. Таратуты «Наш друг Этель Лилиан Войнич», меня заинтересовала такая фраза: «Я поселилась вместе с Пашей Карауловой и ее маленьким сыном Сережей в районе Песков».

Я решил разыскать дом, где жила Войнич. Были просмотрены справочники, газеты и журналы того времени, но адреса П. Карауловой обнаружить не удалось. В архиве случайно попалась записка, где говорилось, что дело мужа П. Карауловой находится в Москве. Центральный исторический архив СССР прислал адрес: 7-я улица Песков, дом № 17. Этот ленинградский дом вы видите на снимке.

А. ПЕТРОВ

Фото Б. Бояринского.

Ленинград.

Кулинары поверяют свои секреты

В. С. СТОЛЯРОВА,
мастер-повар ресторана «Украина»

Кто не слыхал про наши украинские галушки? Сколько писателей о них рассказывали!.. Да как! Прочтешь — и слюнки потекут.

А вот вы попробуйте сделать их по моему рецепту — пальчики оближете, до чего вкусно!

Приготовьте 500 граммов пшеничной муки, стакан воды, 2 яйца, 300 граммов творогу, 400 — сметаны, ½ стакана сахара, 100 граммов масла и 150 — сухарей.

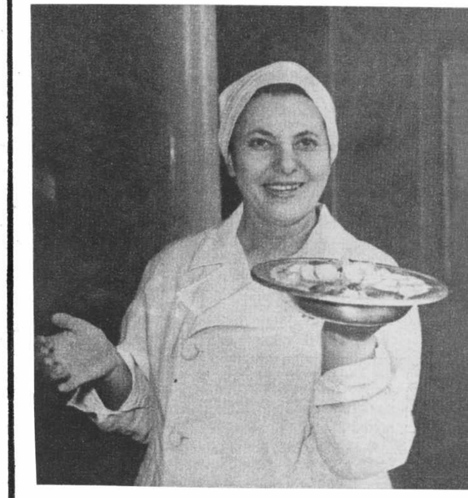
Из всего этого должно выйти примерно 100 галушек, а уж на сколько человек — это зависит от аппетита.

Замесите тесто, как для лапши. Раскатайте его потоньше. Нарежьте ножом в форме ромбиков и опустите в подсоленный кипяток минут на 5—7. Затем откиньте на дуршлаг.

Творог протрите через мясорубку или сито, добавьте в него яйцо, сметану, сахар, соль и часть разогретого масла. Всю эту массу перемешайте с отварными галушками и выложите на противень, предварительно смазанный маслом и посыпанный сухарями. Затем запекайте в духовке до образования румяной корочки.

Подавая галушки к столу, полейте их сметаной.

Фото Р. Лихач.



На первой странице обложки: Боец народной милиции революционной Кубы Росарио Фернандес.
Фото Г. Боровика.
На последней странице обложки: Шоссейное кольцо, проходящее по живописным местам Подмосковья, облюбовали велогонщики. Здесь часто проходят всесоюзные и международные состязания.
Фото Л. Бородулина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Н. И. ДРАЧИНСКИЙ, Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 06382. Подписано к печати 30/VI 1960 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 700 000. Изд. № 940. Заказ 1815.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.



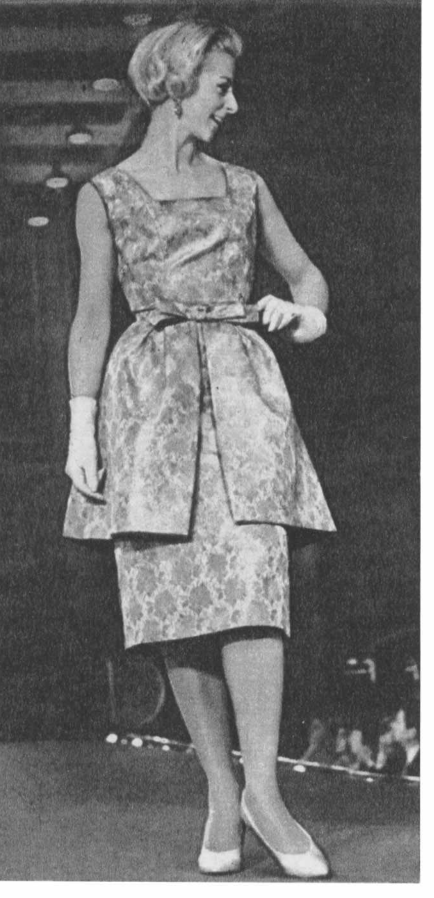
Венские модели

Большой интерес москвичей, особенно москвичек, вызвала Австрийская выставка мод.

В ней участвовало более 120 фирм. И хозяева и гости встречей остались очень довольны.

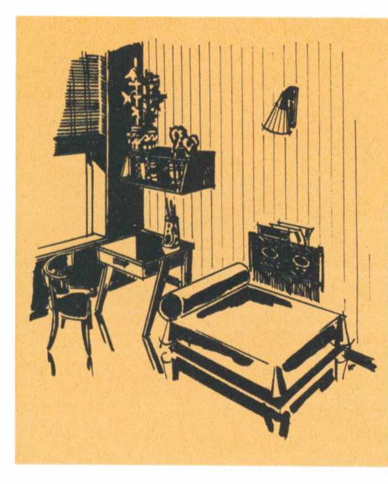
На снимке: венские модели.

Фото Е. УМНОВА.





ВСЕГДА ПРАЗДНИЧНО



Современная мебель очень проста по форме, конструкции и отделке. Чтобы ваша комната не казалась скучноватой, холодной, даже несколько стандартной, подумайте о том, как ее украсить. В выборе этих вещей и проявятся ваши индивидуальность, фантазия, вкус.

Лучшее украшение квартиры — предметы народно-прикладного искусства: они не только декоративны, но в большинстве своем и целесообразны.

Яркие керамические горшки и небольшие миски хорошо использовать в качестве «кашпо» (подставка под горшок вазона). Они нарядны, скроют некрасивый цветочный горшок и предохранят от повреждения стол, полку, на которых стоит цветок. Перед войной «кашпо» делали на Украине, в Прибалтике, и стоили они очень дешево. Непонятно, почему сейчас эту необходимую в быту керамику изготовляют очень мало и цена ее неоправданно велика.

Берестяные туесы и деревянные точеные сосуды украсят кухню или кухню-столовую, к тому же в них хорошо хранить соль, сахар, крупы, специи. Там же приятно будет выглядеть жестовский расписной поднос.

Среднеазиатские и кавказские хурджумы — переметные сумки — удобны и красивы в быту. Их можно повесить на спинку кресла или кровати и класть туда мелкие вещи, книги, которые вы сейчас читаете. Кстати, их прикрепляют и к раме велосипеда — для перевозки покупок. В чувалах, как показано на рисунке, вы можете хранить текущие газеты и журналы. Повешенные на стенке, они так же нарядны и ярки, как ковры, но не требуют большого ухода и отнимают мало места.

Нарядный куманец с наливкой или ликером украсит любой праздничный стол, а в будни он хорош на полке.

Вятские игрушки, ярко раскрашенная деревянная точеная и резная игрушка оживят книжные шкафы...

На паркетный пол можно положить палас.

Только всеми этими яркими пятнышками пользуйтесь осторожно, в очень небольших дозах, иначе они станут заменой семи назойливых слонов, гипсовых пастушек или мопсов с золотыми ушами.

И. ГИЛЬТЕР, доцент

Облегчает труд, сберегает время

В красном уголке завода «Красный пролетарий» после смены чрезвычайно людно. Нет, здесь сегодня не лекция и не концерт. На стенах развешаны модели женских платьев, на столах лежат образцы тканей.

— Нарядное платье я вам советую заказать вот из этой материи,— говорит закройщица девушке в рабочем комбинезоне.

Ателье № 2 регулярно производит прием заказов дамского и мужского платья на заводе «Красный пролетарий».

Есть у женщин-хозяек хорошая помощница, которая облегчает их труд, бережет время. Ее зовут химия.

В лабораториях Всероссийского научно-исследовательского института химической промышленности местного подчинения подготовлен к массовому выпуску ряд «чудодейственных» препаратов.

«Коврин». После пятнадцатиминутной чистки этой жидкостью ковер становится как новый; моль в нем не заводится.

«Вата-металлин». Маленький кусочек ваты быстро придает блеск потускневшим металлическим ручкам, кранам, посуде.

«Капронил». Капроновые и нейлоновые изделия от частой стирки желтеют. Но когда в воду вы будете добавлять «капронил», белизна изделий сохранится надолго.



Цена номера 3 руб.